

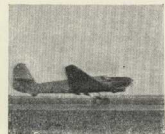

СЛОВА И СМЕЛЫ

К НАШИМ ЧИТАТЕЛЯМ

Дорогие товарищи!

О четвертом номере журнала наша издаст новый отдел — «Слова и Смелы». В нем будут помещены особенно часто встречающиеся на страницах почивших слов, связанных с историческими событиями, и важнейшими текущими событиями. Мы просим читателей ответить на вопросы: удовлетворяет ли вас подбор слов в «Словах», содержание и форма изложения? Какие слова вы хотели бы предложить для Словашных номеров «Слова и Смелы»? Редакция «Смелы» ждет ваших писем с замечаниями и предложениями.

Самолет «АНТ-25».

РЕКОРД

Слово «рекорд» английского происхождения, оно обозначает официально зарегистрированное высшее достижение в какой-либо области спорта. Рекорд может быть национальным, если он является пределом, достигнутым в данной стране, как мировым, если он превышает все существовавшие до сих пор соответствующие рекорды во всех странах мира.

Развитие спорта и необычайное разнообразие его форм вызывают существование огромного количества рекордов, например в одной легкой атлетике (бег, ходьба, прыжки, метание тяжестей, толкание ядра) насчитывается свыше 100 рекордов.

В буржуазном спортивном мире борьба за рекорды превращена в коммерческое предприятие. Советские физкультурники ставят своей целью побить все мировые рекорды, но советская физкультура сочетает борьбу за рекорды с развитием массового спортивного движения. Каждый новый рекорд становится у нас базой для новых достижений сотен тысяч физкультурников.

За последнее время, в связи с успехами авиации, особое значение приобрели авиационные рекорды. Они регистрируются Международной авиационной федерацией (ее сокращенное обозначение — ФАИ — составлено из заглавных букв ее французского названия — Fédération Aéronautique Internationale).

Советскими летчиками записано в таблице авиационных рекордов значительное количество трафик, и это количество постоянно увеличивается. Плану ФАИ, состоявшийся в январе 1937 года, утвердил 12 междоународных рекордов, записанных советскими летчиками в 1936 году. В частности, за

советской авиацией числятся все международные рекорды высотных полетов с коммерческим грузом.

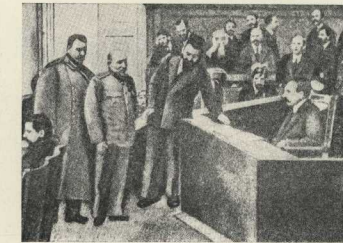
Советские летчики продолжают побивать международные рекорды и в 1937 году: 25 апреля лейтенант Ериков поднял на гидросамолете с коммерческим грузом в 1 тысячу килограммов на высоту в 9190 метров; 14 мая экипаж под командованием Героя Советского союза Г. Байдукова совершил на сухопутном самолете с коммерческим грузом в 5 тысяч килограммов перелет за заданную точку на расстоянии в 2 тысячи километров со средней скоростью в 280 километров в час; лейтенант Полина Осипенко 22 мая поднялась на гидросамолете без груза на высоту в 8864 метра, а 25 мая совершила на гидросамолете 35 часовых рекордных полетов с грузом в 500 килограммов на высоту в 7605 метров и с грузом в 1 тысячу килограммов на высоту в 7009 метров.

До 1937 года все абсолютные (мировые) авиационные рекорды принадлежали иностранным летчикам.

Пилот Горов Советского союза Чалова, Байдукова и Белкова из Москвы в США через Северный полюс пролетел ассекционным (национальным) рекордом беспосадочного перелета по прямой на расстояние в 8582 километра 960 метров.

Громов, Юмашев и Данилин, пролетевшие на самолете «АНТ-25» 10148 км. 293 м. завоевали для своей родины первый абсолютный (мировой) рекорд и притом огромного значения, ибо трудность полета резко увеличивалась прохождением трассы через полюс.

Слово «депутат» происходит от латинского глагола «deputare», что значит «послать с поручением». Первоначально это слово обозначало человека, посылаемого от какой-либо организации или группы населения к должностному лицу для переговоров. Впоследствии депутатами стали называться избираемые народом члены законодательных учреждений (например палаты депутатов во Фран-

Заседание царской Государственной думы. Привет выводит из зала депутата-большевика Г. И. Петровского.

ЗАЕМ

Государственный заем служит для выпущенного его государства средством вывезти деньги, необходимые для покрытия тех или иных расходов, предусмотренных бюджетом. Облагаясь займа — свидетельство о том, что правительство не озабочено государству деньги на сумму, равную ее стоимости. Всякий купивший облигацию займа становится кредитором (заемодателем) государства, а государство является должником покупателя облигации. Оно возвращает долг держателю облигации по истечении определенного срока, указанного в условиях подписки на заем. Кроме того держатель облигаций получает от государства определенный доход, являющийся процентом или амортизацией.

Займы в буржуазных государствах являются средством империалистической политики и источником наживы крупнейших банков и финансистов.

Советские займы в отличие от займов, заключаемых буржуазными государствами, служат не для финансирования грабительских войн и не для наживы капиталистов, а для роста социалистического хо-

зяйства, для качественного строительства, для укрепления оборонной мощи СССР и тем самым для укрепления мира.

В настоящее время, по требованию железнодорожников, подлежащему всей страной, был введен «Зем укрепления обороны СССР» на сумму в 4 миллиарда рублей.

Рабочие электромашиностроительного завода имени Кирова (Москва) подписываются на «Зем укрепления обороны Союза ССР».

Этим займом советский народ ответил на гнусные дела шайки фашистских шпионов — предателей родины, расстрелянных в плену Вюртембергской суда СССР, и еще раз продемонстрировал свою беззаветную преданность партии и волю народов товарищу Сталину.

ДЕПУТАТ

ции, палаты общин в Англии, палаты представителей в Соединенных штатах Америки).

В буржуазном государстве депутат, как правило, не является полным народным представителем, защитником интересов избравших его народных масс. Не говоря уже о фашистской Германии, где депутаты рейхстага фактически не избираются, а назначаются Гитлером и его приспешниками, в «на-

стоящих» буржуазных демократических странах, особенно в США, часто имеют возможность посматривать в парламент людей, представляющих его действительные интересы.

Депутат буржуазного парламента представляет перед своими избирателями. Он может лавировать на кучу обещаний: у избирателей нет средств заставить его их выполнять. Депутат не обязан отчитываться перед своими избирателями, и они не могут его отозвать, если он не оправдает их доверия. Буржуазный парламентаризм в парламенте не интересуется тех, кого он формально представляет, а интересами прошедшей его в парламент политической партии.

Буржуазные партии не брезгуют никакими средствами для того, чтобы провести в парламент своих людей. Фальсифицируют списки избирателей, подкупают избирательных бюллетеней, клеветы, похвалы, шантажи и насилие считаются обычными явлениями в политической жизни Японии, Англии, Соединенных штатов Америки и других буржуазных стран. Очень печальными условиями, в которых происходил выбор в Государственную думу в царской России. Выборм в III (1907 год) и в IV (1912 год) Государственную думу провозглашался по закону от 3 июня 1907 года. Царский «избирательный закон» представлял собой сложнейшую систему

(Окончание см. на стр. 31)

ДА ЗДРАВСТВУЕТ XXIII МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЮНОШЕСКИЙ ДЕНЬ!

На знаменах XXIII международного юношеского дня горит боевой призыв к борьбе против войны и фашизма. Пушки и самолеты итапо-германских интервентов продолжают разрушать города валитой кровью республиканской Испании. Японские бомбы поджигают мирные китайские селения. Над всем миром нависла угроза новой войны.

В XXIII международный юношеский день антифашистская молодежь всего мира шлет пламенный боевой привет воиникам республиканской Испании.

На снимке: молодой боец республиканской армии (снимок получен редакцией «Смены» из Валенсии).

12 июля в Москве состоялся парад физкультурников, посвященный наступающей 20-й годовщине Великой социалистической революции. Всеобщее участие на параде вызвала колонна динамовцев. Динамовцы несли подруги советского народа — сталинского наркома Н. И. Ежова — и огромную карту СССР с лозунгом «ВРАГ НЕ ПЕРЕШАГНЕТ НАШИХ ГРАНИЦ»

На снимке: динамовцы на Красной площади. Фото С. Лоскутова.

Катер остановился и закачался на волнах.

ЖЕНА ПОГРАНИЧНИКА

Д озорный катер шел полным ходом. Задржав ложи, он мчался, остроносый, стремительный, и волны, вспыхиваясь, падали и разбивались о палубу, вымывая ее от борта до борта, брызгами насыщая воздух. Шум мотора славился с плоском вбурдаченных вод. Катер дрожал от напряжения, взрывая бегущие навстречу волняные валы.

Командир катера в мокрой кожанке стоял на рубке. Обвес не вполне защищал его—ветер хлестал и брызгал ему в лицо, волна иной раз дорывалась и до рубки, обдавая его с головы до ног. Командир держался прямо, размахивая пошироку плечи. На лице его, совсем еще молодом и очень спокойном, никогда, казалось, не росли волосы.

Эта морская дорога была изучена им, как лица яла шоссе—шпором. Подходя к опаснейшим на этом пути рифам, от дал средней ход, снижая солонные капли, которые текли ему в рот, и придвинула губы к переговорной трубе:

— Принести буй за корму,—сказал он.—Влево не ходить. Он оставил палубу на рукоятке машинного телеграфа и стоял так, вглядываясь в море. Затем, после долгой паузы, полной шума волн и ветра, командовал:

— Лево руля! Так держать! И вновь поставил рукоятку на полный ход. Катер опять вранула, чтобы засветало обогнуть поросший высоким сосняком мысок и достичь крайнего поста.

Пятибалльный ветер гулял по морю, пустынною, лохматому, дикому. Все началось вернуло, и небо, полное добрых разворванных туч, таяло.

Солнце, огромное, красное, вышло из-под кроваво-черной тучи, густо, как бровь, нависший над горизонтом, и глянцула вала, тула, где сплошной занесой дождя загромою ости Кронштадта. Оно утравляюще опустилось в черноту, с багровыми полосами заката, казавшиеся пристрастия. Ветер усиливался, солнце падало, волны вот-вот начнут уже лезть края распадающего шара.

На горизонте быстро выростал, подлирая трубами небо, огненный гигант. Навстречу ему по фавориту шла другой оксанский пароход, в таком же сверкании и блеске. Великанам встретились и тотчас же

разошлись. Завеса дождя порвалась, и за ней колыхнулись грозные огни Кронштадта.

Дозорный катер шел по морской границе. Варут дикие звуки рождались в этих морских просторах. Самшались то пронизывающий хохот, то визганный плач, словно давят ребенка или бьются в истерике женщины. Это кричали чайки.

Шаргин стоял рядом с командиром катера и смотрел в сторону границы, не обращая никакого внимания на хлещащие в него брызги. Был он так высок, что немножко даже стесился своего роста и нарочно сутулился. Он казался еще длиннее от того, что был худощав. На его маленьком лице плоские скулы выступали над провалившимися носом, был острый, над узкой верхней губой полосками тени синели подстриженные усы. Глаза у него светлые и неожиданно добрые. Он отлучался большой выносливостью, но вид имел чихоточного в посланном градусе—бывало такие живые люди. И кобру с наглостью у его носа казалась крошечной, как птичка на телеграфном столбе.

Граница! Вот тут, совсем близко, конец наших вод. В яростном натиске сталкивались и пенялись волны, набегая одна на другую.

Вот оттуда, где такое же, как и это, в белых барахках море, рвалась война, рвалась ненависть.

Катер пошел к берегу. Две далекие фигуры выдвинулись на камнях бухты. Они казались с катера маленькими детьми, и странно было видеть их на этом пустынном каменном берегу.

— Стой!

Катер остановился и закачался на волнах. Ближе подойти нельзя: подвинулись рифы.

Командир приказал спустить тунки.

— Волна позволяет,—промолила он и вглянулся испытующе на Шар-

гина.

Тунки пригали у борта как живой.

Шаргин летел сонно в танцующую на волнах скорлупу.

До берега оставалась еще, по крайней мере, пятсот метров.

Краснопотопец, умоляя орудия веслами, лавировал меж камней,

Фигуры на берегу росли и превращались в пограничников. В зеленых фуражках, молчаливые, они вглядывались в притаившийся по волнам турки.

Гузик не дошел до берега. Шаргин, поворачившись плугом за борт и пошел по колену в воде. А Гузик отправился в обратное нелепое путешествие.

Она не плакала, и это больше всего пугало жену команданта, маленькую худощавую женщину, сторожившую ее бере.

Лес начинался почти у самого моря. Было в нем тепло и безветренно. Мохнатые ветки елей и сосен чернели вдоль дороги.

Шаргин вскарабкался на коня. Рядом скакала уполномоченный, очень молодой и серьезный. Она молчалива, и оба думали об одном и том же. Командатура вдруг обозначилась огнями окон и окрешком часового. Командант разговаривал по всей форме, а затем, сменив тон официальной на обычной, сказал:

— Она заснула. Спит, белая, и ничего не подозревает. Командант говорил о жене лейтенанта Стаденича. Он погиб, этот скакустый, широколицый лейтенант, который так любил танцевать.

Он хорошо пел, аккомпанируя себе на гитаре. Он был всегда весел, и иногда на подбородке молодая его. Одним взглядом своим он действовал на людей успокоительно. Было совершенно немиссимо представить его мертвым.

Он погиб далеко отсюда, в дальней операции. Уже несколько недель назад он был переведен на другую границу, и жена должна была отправиться вслед за ним. Ее оставалось только сдать все дела свои в отряд...

Он погиб далеко отсюда. Но это могло случиться и здесь. В комнатах командатуры электричество горело в полнанаала. Тени бродили по стенам. Дежурка у телефона связист.

Командант провел Шаргина к себе и предложил чаю. О том, что предстояло утру, лучше было не говорить и даже не думать. Шаргин и командант сидели на коврах и молчали. Пограничная ночь чернела за окнами, и была в этой ночи могучая тишина...

Ксюша спала. Она спала, сбросив с себя жаркое одеяло, подложив руку под щеку и положив колени к животу. Она была молода, но уже много успела узнать в жизни. Вступила она в самостоятельную жизнь ученицей, но усталась авиацией и пошла в летную школу. Наследств небабываемым остался для нее первый полет.

— Воздух и облака захватили целиком, — рассказывала она. — Неужели сама веду?

Она стала пилотом, летчиком, и летала на почтовике «АЭР-2» до Ленинграда — Омск.

Но случилось несчастье. Вывода авиационный завод из промышленности, она работала в бригаде по установке моторов и надзора. Заворот шипов позволил ее на операционный стол. К летной работе она стала непригодной. И когда она узнала об этом от врача, она заплакала. Всю ночь она плакала. К утру полушави была совсем морщой. Но есть великая потребность человека в счастье, и женщина прощала свое с работой и полудом, Ксюша вернулась к работе на земле. Она уехала в глубь Карелии, приняв предложенную ей там службу в школе. Но ее хватало на большее чем преподавание детям. Она связалась с пограничниками отрядом и на ближайшем заставе одиозно-наказуемая кругом обучен бойцов. Сороси ее учеников была Стаденич. Он оказался самым способным к кружке, и это она посвещала ему отстать на сверхсрочной и помогла стать командиром. Она была вновь реалии, сюда, к морю. Работа есть всегда, по всей стране, куда бы ни приехать. И тут она в скором времени уже заведывала интерном. Конечно, одновременно с работой в интернате она вела кружки для бойцов.

— Как вы думаете, — спросил утром командант, — может быть, моя Анна Стаденича лучше это слышит чем вы?

— Возможно, — кратко отвечал Шаргин. Утро было прекрасное. Сад, зеленый, цветистый, дышал тепло и прохладой. Небо обещало день сухой и яркий, и не было ветра.

Ксюша бежала с ведром от колодца к дому заставы. Она ходила всегда так быстро, что казалось, она бежит. Но энергии ее была немалая, хотя и упорная. Вот она встретилась с женой команданта, поставила ведро на землю...

Командант отвернулся от окна...

...Она сидела на стуле напряженная, настороженная, словно вот-вот сорвется с места и побежит куда-то. Пальцы ее перепались, когда Шаргин и командант вошли к ней, и она отбегала на этих друзей своих так, словно олимпиада от них нового несчастья. Но глаза ее были сухи. Она не плакала, и это больше всего пугало жену команданта, маленькую худощавую женщину, сторожившую ее бере.

Шаргин выходя из олюбляя привычку Ксюши носить серьги. — Вы и так хорошились, — говорил он.

Теперь шарг казался совершенно лиричным при ее поблескивании, с лирикозодом горешими глазами лири.

— Где? — спросила она строго, почти сурово.

Шаргин отвечал: — Два шипова пробились к границе. Одного они застреляли, а другой смертельно ранил его. Сади выстрела, в спину. Но его задержали, Ксения Августова.

И он прибавил:

— Мы все с вами.

— А похороны? — все так же строго осведомилась Ксюша.

— Мы сегодня выехали с вами, завтра, к вечеру, будем на месте.

Я командировал от отряда.

— Тогда едем сейчас же.

Она отказалась от таратаяни и отправилась верхом. Она хорошо владела конем, метко стреляла не только из мехокалаберной, но и из боевой винтовки, как большинство жен пограничников. Знаком ГТО укрывала ее грудь.

Вновь скакала Шаргин по лесной дороге. Рядом скакала женщина, то и дело подхлестывая ствол коня.

Море маленькую сквозь деревня, вперь маленькую и вот открылось все, во всей своей красоте и шире. Катер лежал в глубоких водах. Лодка была готова на берег.

На хатке Ксюша была так же молчалива и напряжена, как на берегу. Толчком было не слышно было, словно она обдумывала что-то самое важное, самое серьезное. Но вдруг дикое злорадство вошло в это прекрасное морское утро. Слышался то пронзительный хохот, то визгальный плач, словно давят ребенка или бьет в истерике женщина. Это кричали чапли, ирты новичков. Заслышав вопли пограничных член, новой новички ослептели:

— Стой!

Но Ксюша — не новичок на границе.

Неожиданное выражение отвращения и ненависти появилось на ее лице, словно она боролась с чем-то необычайно противным. И вдруг лицо ее сморщилось как у ребенка, и она, ухватив Шаргина за рукав, завыла. Она плакала негромко, но очень горько, ухватившись за рукав все понимающего товарища.

Вода баскалась за окнами кюветы. Катер покачивался. Шаргин сидел неподвижно рядом с плачущей женщиной и не говорил ей неуживчивых успокоительных слов. Но ему даже рукав его потеплел от жалости и сочувствия.

Вновь закружил чайник, и плач Ксюши оборвался. Она затихла, понижая, устала, не отпуская рукав Шаргина. Она замерла, словно прикусившись к тому, что творилось в ней. Она видела чужие волны, чужие земли, чужие, враждебные лица... Оттуда являлась ненависть, оттуда рвалась война — война противного существа, что есть в этой ненависти. Выражение отвращения и ненависти вновь появилось на ее лице, и она сказала:

— Товарищ Шаргин, оставьте меня в отряд!

НА БЕРЕГАХ ХОРА

Рисунки А. Шульда

Кикуса был братом Ватану, секретаря туземного совета. Кикуса был человек высокого роста. Он ходил в европейских штанах, мягких улахх и зеленой фетровой шапке, по всей вероятности, давнего американского происхождения. Его улавляла издали: толкался на носу бата, он не работал, как полагаются, всем телом, а только сгибался до пояса. Гливоз и ноги были у него исподышными, и поэтому издали казалось, что тело у него живое только до пояса. Он носил короткие усы и короткие волосы.

Кикуса считался хорошим охотником, метким стрелком и соблазненным. Нуждаясь в работнице, он взял вторую жену, Анио, пятнадцатилет.

До этого, когда Аня была еще моложе, ее взял в жены старик Пимка. Аня прожила у него три года, была вместо него рыбу и охотилась, когда старик обесседел. Одинадцатилет она застреляла бродячего медведя.

С яростным этим медведем даже тигр не вступал в борьбу.

Тигр ходил по следам кабанов, намечая в добычу жирных свиных и выхватывая их из стада, когда у него появлялся аппетит. Медведь двинулся по следам тигра. Он приблизился к нему и моментом сел тигра рыла свинью, смачно введя жаулук. Медведь шел тяжелой

походкой, ломая и обрывая сучья, строящая с ветвей снег. Минуту враги смотрели друг на друга, потом тигр опустил голову и скрылся. Медведь доел свиного.

С этого дня он ходил за тигром. Охотился, тигр поступал так: первых двух свиных бросал медведю, а отойдя подальше, располагался жрать сам...

Об этом немедленно стало известно всем охотникам, они старались не попадаться на пути медведя: встреча с таким козынем не сулит ничего хорошего.

Полуселен Пимка большую часть времени лежал в шалаши. Аня из мехоколыберки стреляла бекку. Бекка шла густо, поспытывая в вершинках деревьев, скарм, кушталася — первый сорт. Аня приносил добычу домой. Пимка оцупывала, определяла качество, снимала шкурки. Вывернула, он подвешивал их сушиться.

Для одинокого Пимки самым близким существом стала Аня, и по вечерам, когда у костра полжарились бекка, он рассказывал ей сказки.

Утром медведь подошел к шалашу, обошел вокруг и, ударив лапой, сорвал стену. Голова его просунулась в шалаш, глаза уставились на людей.

Люди сидели на корточках у костра. Они не шелохнулись. Медведь потянул носом и ушел.

Пимка сразу угадал, что это за медведь. — Мы пропали, если не уйдем, — сказала он и дрожащими руками набил трубку. — Нало сегодня уходите.

Но в этот день он не мог двинуться: ревматизм сводил его тело. Он стоял протяжными голосами. Аня растаплила его, потом разогрела над костром бубен и подавала ему. Пимка, как и все, ушел немного шаманить. Он пел, ударял в бубен и раскачивался. Но боли не утихали. Он отдавал бубен и валялся на спину.

Около костра было тепло, а в улахх шалаша стоял сторовый мороз. Аня подставляла мужу две медвежьи шкуры и укрывала третьей. Старик дрожал, жаловался и стонал.

— Мы пропали, — сказала Пимка ночью, прервав на минуту стоны, — я знаю его: утром он вернется, чтобы убить.

Утром Аня положила мужа в сани. Было проясчало и тихо. Деревья, топи влезшие в воздух, потрескивали. Аня устроилась за стволем огромного тополя, отсюда она хорошо видела шалаши и полону вокруг него.

Медведь пришел через полчаса после восхода. Он пробирался осторожно, нюхал воздух.

— Ну как? — спросила Пимка.

— Идет на четверых.

— Еще не стреляй, еще не стреляй...

Перед самым шалахом медведь поднялся, повернул голову в сторону сопки и зарева.

— Стреляй! — прошептала Пимка. Он весь дрожал, потому что уверен был в гибели.

Аня опустила на козлин, положила винтовку на ветку и выстрелила.

Она убила медведя.

Этот день был торжественным днем в шалахе старого Пимки. Он и жена возмужали около туши. Медведь был жирен и велик. За медвежьи мясо, за медвежий жир много предстояло получить Пимке. Девочка расплакала на руке медвежью шкуру и повернула ее в сторону.

К весне Пимка умер. Целый год Аня жила у своего брата, потом ее взяла Кикуса.

Медведь поднялся, повернул голову в сторону сопки и зарева.

Не разгибая спины, на солнышке Аня с утра до вечера половасила рыбу.

Кикуса уже имел одну жену. Это была женщина одних с ним лет.

Кикуса был криклив и придириж. Не рискуя кричать на старшую жену, он кричал на Анио. Если, по его мнению, она медленно свеживала рыбу, медленно чистила посуду, он бил ее по затылку.

— Мало еще получала! — замечала старшая жена. — Рыбу у молодой должна быть проворнее. Работай!

И понежненько случалось так, что на долю младшей перешла вся работа. Старшая жена только курнула да сидела у костра, помешивая лау.

Кикуса бил рыбу на хорошем месте, бил ее отачиной и возвращался всегда с полным багом.

Не разгибая спины, на солнышке Аня с утра до вечера половасила рыбу.

Дети ее мужа и их мать сидели тут же, отрезали голову за головой и уплетали голову за головой, втигали с шумом отрезанные пласти, журмури от удовольствия.

К концу лета Аня почувствовала, что ослабла совершенно. Иногда она бросала работу и уходила в тайгу пахать. Ей было уже 15 лет, она садилась под кору, закутывая и пахлава, вспоминая Пимку.

Старшая жена заставляла ее пахучей и ласково спрашивала:

— Ты что, боляла? Или, может, ты просто бездельница?

Она знала, что Кикуса всю работу свалила на Анио, и поэтому ее ласковый вопрос звучал самой дикой насмешкой...

— Уходи! — говорила Аня, сверкая глазами.

Аня знала дорогу по порою, по белой пене, все кипело и ревели вокруг.

Старшая жена подходила. Аня смотрела на нее, не спуская глаза, ловила момент и бодро дергала ее за волосы.

— Уходи, я те верю... Ну...

Глава Ани навалилась такой злостью, что старшая жена отскакивала и летялась. Прогляд через поваленные деревья, она кричала: — Ну, пойдешь как нет? А ты поковы Какус... Смотри, какая красавица! Худа ты для красавицы, вот что! Тебе нужно работать... Иди работать.

Аня, бормоча несмысли для самой себя слова, направилаась другой дорогой к косе и принималась сжевывать рыбью. Ей было очень грустно... Слезки катились из глаз Ани.

В такую минуту, для нее минуту на косе выскочил доктор, обожженный рыбками.

— Ты что? Плачешь? — спросил он Аню. — Вот еще что, разве я плачу? — и тут же заплакала слабее.

— Теперь и вижу, что ты не плачешь, — сказала доктор и пошла в шалаи. Он осматривал ребенка старшей жены и разбирался ее за то, что она поврежками держит его в улейской далаке.

— Ребенку у тебя как сидит? Смотри: согнулся... Грудь славазна... Заболел туберкулезом... Я тебе скажу: домой давай эту... Пусть себе свободно лежит на выножке...

Аня самааа рассерженный голос доктора и раздалась: так ей и надо глупой, ничего не понимает...

Доктор пошел в тайгу и попросил Аню проловить его. Когда коса и Хор скрывались из виду, доктор сел на трухлявое дерево и набила трубу.

— Ну рассаны, о чем ты плакала. Лицо его было весело, он улыбался. Конечн, ему не могло быть понятны аниным горести, но он ласково подмигнул ей, протянул кисть и курительную бумагу...

— Вот отчего я плачу, — вадокнула она. — Как же мне не плакать?

Она присела рядом и, скручивая папиросу, рассказывала о своих горестях.

— Вот какая моя жизнь... Разве мне можно не плакать?

Доктор сказал:

— Я сегодня уеду и увезу тебя. Тебе нельзя жить у Кикуса.

Аня испугалась:

— Разве Кикуса отпустят? Он мух...

— Погоди, я все устрою...

В Гуусогах открывали большую школу. Она стояла на руинах гуусогаиной протоны, окруженной тайгой и пшени. Но Вану, секретаря тусовета, учившийся в Ленинграде, уже выгнал вокруг нее крестьян, дорожки и спортивные площадки. Шестидесят детей разместились в обожженных школах. От школы Вану метала проложить новую аллею к магазину Интеграи и к главной улице деревни вдоль протоки. Школа требовалась сторожка.

Доктор сказала Кикусе:

— Твоя Аня все плачет. Ты сам знаешь, советская власть не любит, когда женщина плачет, пусть сядет со мной в Гуусогах, там я устрою ее сторожкой в школе... Твой брат Вану никак не может найти сторожника, и дело очень страдает. Если соскучишься, прилежи за ней. Ей будут платить 60 рублей в месяц.

— Неужели шестьдесят? — удивилась Кикуса.

— Конечно, по ставке.

Доктор был уважал всем народом. Он лечил от злых болезней. Авторитет его был высок.

— Ну что ж... решила Кикуса... — пусть сядет. Аня уехала. Она стояла на корсе омороча, доктор ползала в передней части... Хор стремительно все одолжону. Наступали горы. Хор бегуша у подножья гор. Аня пала долу по горам, по белой пене, все кипело и ревели вокруг... У нее сломалась плаха, доктор скрикнул, но с любовью обаяем она выхватила со дна вторую и ударила плахой о камень спасла долу. Ей было весело, она громко разговорилась с доктором и смеялась над тем, что он скрикнул, и поблелала...

— Улейим не тонут в Хоре, — кричала она, заглушая рев реки. — Ах-ха, какая река!

Аня пришла ва водой...

Кикуса и старшая его жена стояли на гальке и смотрели, как омороча исчезала в речной дали.

Аня принялась за новую работу. Совсем легкая, пустая работа: подметать, убирать, носить воду из протоки, присматривать за школьниками. Она рассердилась, попросилась. Когда началась в школе занятая, она стала посещать их.

В школе отсутствовали стекла и печи, комнаты для учителей не было. Но это были уютные, самые большие в тайге здания, и обоживать его было чрезвычайно приятно. Скоро Аня полюбила о приличном Кикусе и о ленивой его жене.

Она подстригла волосы, надела чулки и платье. Когда смотрела на себя в зеркало, она удивлялась своей красоте.

— Тебе не нужно думать, что Кикуса твой муж, — заметил как-то доктор, — у него есть жена, с него хантит. Выбери исхоженного парня и живи с ним.

Аня засмеялась и ничего не ответила. Она уже выучилась читать и недавно самостоятельно прочла сказку о богатстве Саламата.

На собраниях гуусогаиной артеи выступала Юма. С большим жаром он говорил о жалком улейском народе. Если детей будет рождаться достаточно и они не будут умирать так, как умирали раньше, улейцы станут большими и счастливыми народом. Они займутся земледелием, построят город, у них будет все, что у других богатых народов. Юма призывал к сбору денег на покупку коров.

— Нельзя маленьким детям пытаться работать, вот оттого они умирают... Сущная рыба — разве нища для грудных детей? Собирайте деньги на покупку коров...

Утром Аня черпала в протоне воду. Юма выпела из-за кустов, закусила губу и принялась мыться. Когда он вымылся, Аня окликнула его:

— Эй, Юма!

Она выпрямилась, опрокинула от волнения ведро и спросила:

— Ты не хочешь жениться на мне? Лицо ее горело, волосам растерпелась. Она была огладела ее, точно увидела впервые. Юма был среднего роста и несмотря на свою молодость широкая в бедрах и плечах.

— Они поженились. Оформить брак они решили по-настоящему и спустились в Бичевую зарегистрироваться в районном загсе.

На обратном пути Юма останавливалась у каждой косы, у каждой рыбалки, заходила в палатки и шалаши, пил чай, угощала хозяев хлебом и сахарным песком и сообщала, как он хорошо женился.

На пятый день вечером поворачиваясь поплам к катерной косе в том месте, где Катень падает в Хор.

— Эй, Санчи, — позвала Юма. — Много рыб? Хочешь буду?

Санчи выгнала на шалаши.

А заходи, заходи, чай пить будем.

В палатке у Санчи перед окнитным полотнищем горела костер, варилась уха, пили чай, пили шампанское. Юма была в палатке, как хух, пила чай. Юма рассказывала другу о своей женитьбе. Потом Юма послала Аню в бат за хлебом и сахаром.

Аня ушла и долго не возвращалась.

Вдур с берега донесся пронзительный крик. Юма выгнала из палатки. Около его бата стоял другой бат. Кикуса, склятив Аню за волосы, бил ее и валил в свой бат.

— Не подходи! — закричала Кикуса. — Стрельба буд... Моя жена... Ты вор!

Его зеленую фетровую шапку уронила Хор, рубашка лопнула на спине, он упал на Аню и схватил винтовку.

Юма поблела и подила камень. Кикуса ударила Аню, наступила на нее ногой и оттолкнула бат от берега.

— Жену урнул... Что за это бывает, знаешь?

— Моя жена, — длинным голосом закричала Юма, — в загсе женился... Ты понимаешь?

Старшая жена Кикусы ловко гнала бат по течению. Кикуса стояла с винтовкой наперевес.

Юма вернулся в палатку бледный, тяжело дыша. Санчи смотрел на него, не говоря ни слова.

— Есть у тебя оморочка? — спросил Юма. — Есть? Я возьму у тебя, бат останется здесь...

— Погонись!

Юма гордо выпрямился.

— Я потребузавою!

Юма пошел в озеро в Гуссовски. Легкая лодочка рванулась вперед с наездом толчком палки. Юма выбрал самую длинную палку и, погрузив ее у носа оморочки, выхватывал далеко за кормой.

От косы до Гуссовцов по протоке посухотекла.

Наступила ночь. В ночном сумраке поднимались знакомые и во тьме немного чужие горы, пахло хвоей. Протока била неподвижна, черна. Звезды усматривали ее.

На порекатах, чтобы не терять времени, Юма соскакивала в воду, переносила лодку и стремилась дальше.

Он подпалма к Гуссовцам глубокой ночью. Лагерь псы. Мост, перекинутый через речку, чернея над черной водой. Выскочил сани окружая плыли и то место, где Аня предлагала ему себя в жени. Юма победил в палатке доктора.

Палатка была рядом с избой-читальней. Юма откинул полог палатки и остановился. Было совершенно темно, он слезла шаг и наткнулся на пустую баню. Загрозмо.

— Доктор! — Юма подошла к койке, растопыря руки.

— Кто там?

— Это Юма, Юма, — зашептал Юма.

— Чего ты, Юма, ночью? Где санчи?

Доктор говорил сонным голосом.

У меня Кикуса отняла жену...

— Как отнял?

— А вот так...

Горлопсы и захлебываясь, Юма рассказывал о том, что случилось.

— Эге, — сказала доктор, — надо идти к Ватану... Подожди до утра.

— Положу до утра, — согласился Юма.

Он вышел из палатки и присел на камень. Булькала вода в протоке. Огромные голубовато-синие звезды переливались в вершинах елей.

Юма не спал до утра.

Утром Ватану рубил ступени для крыльца к своему дому. Топор был острый, и он ловко им орудовал. Два года назад никто из уда не умел держать топора.

Доктор поздоровался и присел рядом.

— Ты чего не знаешь, Ватану? Садко спал всю ночь? Вчера твой брат Кикуса нарушил закон.

Ватану испугался. Он был убежден, что прекрасно понимает советские законы и толково разъяснит их соплеменникам.

— Твой брат увез у Юма Аню.

Ватану отбросил топор и сел топа.

— Но ведь это его жена... — пробормотал Ватану.

К иатенской косе не пристать: бат к бату лезет на галки. Горели костры, люди курили и пили чай. Кикуса сидел рядом с Аней и разговаривал со стариком Файну, разлетым в парадный цветистый халат. Аня сидела, скрестив ноги, смотря на костер и шевеля прутком угля.

Об ее истории говорила мало, можно было думать, что собрались совсем по другому поводу, но Аня прекрасно знала, что все думают только о ней, и все считают, что она совершила нехороший поступок. Кикуса был весел и говорил. Поговорив с Файну, он бродил по косе, и то там, то здесь слышался его голос.

Собрание открыли утром. Ватану встал во весь рост.

— Всем известно дело, по которому мы собрались, — заговорил он, — дело касается Ани, советской женщины.

Он говорил долго, потому что ему приходилось убеждать не только других, но и самого себя. Ему все же казалось, что Кикуса прав, потому что женился давно, потому, что внес брату Ани деньги и подарки, потому, что Аня была женщиной и должна была работать в хозяйстве мужа, а никто другой, кроме мужа, не имел на нее права. И когда кто-нибудь начинал, прерывая его речь:

— Что ты говоришь, Ватану! Вот сидит Кикуса, се муж...

— на одну секунду Ватану казалось, что действительно говорить не о чем и нужно назвать мальчишку Юма. Но через секунду он отбрасывал все это и снова говорил, что Аня — советская женщина...

— Две жены — совсем немного! — крикнул Кикуса.

— Нет — твердо сказал Ватану, — советская власть этого не одобрит. Она заботится о нашем народе... У нашего народа не хватает женщин. Разве правильно, чтобы один человек имел две — три жены, — а другой ни одной?

Это соображение как-то никому из спорящих не пришло в голову. По тому, как все сразу стихло, Ватану поняла, что соображение верное.

Доктор сказал нетерпко, но так, что услышав все:

— Аня — советская женщина... А советская женщина живет с тем мужем, с которым почит... Аня не хочет жить с Кикусой. Ничего не подавайся... Кикуса плохо обращался с

Кикуса втащил Аню в бат и схватил винтовку.

ней... Сам виноват Кикуса... Теперь пусть твою мамас справляется сама.

Среди женщин начался шум. Аня подпала порозовевшее лицо. Женщины вокруг нее смеялись и что-то выспрашивали. Ватану противная ей руку.

— Иди, Аня.

Аня всколыхнула, оглянувшись... Кикуса сидел поспешивший, как его старая шалпа.

— Бери ее, Юма.

Юма все это время сидел в стороне. Он схватил женщину за руку и бросился к оморочке.

Ватану вытирал пот. Уд кричала на все голоса. Кто приветствовала поступок Ватану, кто его поносила.

— Новый закон! — громче всех кричал Ватану. — Тот самый, по которому мы сейчас живем, от которого будем богаче и будем счастливы, вот что! Новый закон!

— Новый закон! — громче всех кричал Ватану.

Доклад И. В. Сталина на VI съезде РСДРП (большевиков)

С акварели В. Сварова

ПРЕДОКТЯБРЬСКИЙ СЪЕЗД

Когда кто-то из делегатов крикнул с места: «Предлагаю выбрать почетным председателем товарища Ленина!», — в зале загудели аплодисменты.

Через двадцать лет грохот этой овации доносится до нас как первый раскат Октябрьской бури.

Бури зарождалась там, в сером двухэтажном доме, на рабочей окраине Петрограда.

Вокруг дома сновам шипели Керенского. Временное правительство готовилось выманить свой план — потребовать от участников съезда выдачи местопребывания Ленина и, если откажут, переваривать всех до одного. Каждую минуту можно было ждать разгона. Но здесь сидел человек, ясно сознавая опасность, продолжал спокойно заседать в доме № 37 по Самосюльскому проспекту.

Не так-то легко было «взять живьем» этих людей: на каждого из них приходилось в среднем по полтора года тюрьмы, восемь месяцев ссылки, пять месяцев ссылки, три месяца тюрьмы. Каждый арестовывался за революционную деятельность не меньше трех раз. И теперь не только по конспиративной привычке, но и по необходимости они приходили на заседания по одному, по два, называли друг друга псевдонимами и тщательно притали протоколы.

Работу съезда надо было во что бы то ни стало довести до конца. VI съезд большевистской партии решал вопросы величайшего, исторического значения.

Три недели назад, 4—5 июля 1917 года, на улицах Петрограда гремели ружейные залпы. Контерреволюционная сволочь обстреливала рабочих и солдат, вышедших на улицы в лозунгом «Вся власть советам!»

Измученные войной солдаты, рабочие, обманутые хозяевами, женщины, не знаящие, чем накормить голодных детей, — все видел спасение в немедленном осуществлении этого лозунга. Массы своих делегатов в Таврический дворец, где заседал Всероссийский центральный исполнительный комитет советов. «Одни за другим выступили делегаты, страстно призывая Всероссийский центральный исполнительный комитет взять власть в свои руки. Наглым жером-меншенинским треповиком перешептывались друг с другом, самым мерным тоном демонстрантов, но не принимали решения. Нараставший шум демонстрации, поднявшийся около полушестидесяти рабочих и солдат, тут же воледей «революционной демократии» («История гражданской войны в СССР», Т. I, стр. 277).

Ответом демонстрантам были пули казаков и жонжеров.

Меньшевистские и эсеровские заправилы советов из дворца вымывали бровями, чтобы пулеметным огнем расстрелять толпу.

«Кавеньялы» — это слово часто встречается в статьях Ленина 1917 года. Французский генерал Луи Эжен Кавеньял был знаменит тем, что с беспримерной жестокостью разгромил восстание парижских рабочих в июньские дни 1848 года. Теперь русские «кавеньялы»: Керенский, генерал Половцов и все военная контрреволюционная шайка — толпы в крови мирную демонстрацию.

На партию большевиков были направлены главные удары. Еще бы! Кто был более ненавистен буржуазии чем эта партия, которая не устала разжигать массам грабительский империалистский характер затеваемой войны? Против Ленина была пущена гнуснейшая клевета, и приказы о поимке его были разосланы во все концы России. Были разгромлены редакции «Искры» и «Борьбы», где помещался Центральный комитет большевистской партии. Обсиды сделаны за обсыками, аресты — за арестами. У революционных частей отнимали оружие.

«Казалось, движение кончилось поражением. Однако по существу оно было своего рода победой, одержанной революцией на пути перерождения ее из буржуазной в социалистическую. Буржуазия несомненно переоценила свой успех: за внешними, легко наблюдаемыми результатами она не заметила глубокого внутреннего прогресса в перестройке классовых сил. Самодержавие из январских дней 1905 года, разорвав мирную демонстрацию, поколебало не с рабочим движением, а с верой рабочих в царя. Так и буржуазия, поглотив июльские выступления, разбила на рабочую революцию, а доверие, даже не к себе, — оно давно было утеряно, — а к мелкобуржуазным алтарям. Июньские дни обилии кланов между верками и кланами социал-демократических партий: а то время как верхи скатались в алтарь буржуазии, низы криво поперулись в сторону пролетариата» («История гражданской войны», Т. I, стр. 294).

Такова была диалектика истории.

Партия, чей вождь вынужден был скрываться, партия, которую безудержно трясла вся буржуазная печать, — стремительно росла.

И через три недели после июльских дней она собралась свой съезд, решивший дальнейшую судьбу революции.

Вокруг стола тогда сидели делегаты съезда. Лапы с железным абжуром низко опущены с потолка. Комната кажется в полутьме, и только, если взглянуть в темноту, за первыми рядами угадывается густая масса делегатов. На столах чернильница, стакан с остин-

шим чаем, выпившим с дымящимися окурами... Разбросаны листки ватисей. За столом Молотов, Ворошилов, Свердлов, Бухарин, селдобродий Ольминский... В центре — Сталин. Он стоит, вытянул руку с трубой. Чувствуется, что движения его скупы, лаконичны, так же, как фразы.

Это уже второй его доклад на съезде. После политического отчета ЦК Сталин докладывает о политическом положении.

Сталин начинает с характеристики февральских дней. Стачки, солдатский бунт, сумятица в Думе, стрельба на улицах, царское отречение — весь пестрый вихрь революции укладывается в чеканные формулы доклада, рисующего тугой ее путь.

Против буржуазии выступили четыре силы: пролетариат, крестьянство, либеральная буржуазия и союзный (агло-французский) капитал. Но капиталисты, отечественные и иностранные, издаваемые Николаем, хотели лишь «маленькой революции для большой войны». А рабочие и крестьяне стремились покончить с войной и отнять у собственников землю и заводы.

В стране устанавливалось двоевластие. Рядом с Временным правительством выросли Советы рабочих и солдатских депутатов. Но Советам, выдвинутым победившими массами, захватывалась преставления революции — мещанинами и асрами. Советам добровольно отдали власть империалистической буржуазии.

«Между тем», — говорил Сталин, — война продолжается, экономическая разруха растет, революция продолжается, получая все более социалистический характер. Революция вырывается в сферу производства — ставится вопрос о контроле. Революция вырывается в сельскохозяйственную сферу — ставится вопрос не только о конфискации земли, но и о конфискации инвентаря, животного и мертвого... Некоторые товарищи говорили, что так же у нас захватили слабо развит, то уточню: ставится вопрос о социалистической революции. Они были бы правы, если бы не было войны, если бы не было разрухи, не были расшатаны основы народного хозяйства. Но эти вопросы о вмешательстве в хозяйственную сферу ставится во всех государствах, даже необходимые вопросы. В Германии этот вопрос поставлен и обобщен без прямого и активного участия масс. Другое дело — у нас в России. У нас разруха приняла более грозные размеры. С другой стороны, такой свободой, как у нас, нигде не бывало в условиях войны. Затем громадная организованность рабочих: у нас, например, в Питере 66% организованных мещанин. Наконец, нигде у пролетариата не было таких широких организаций, как Советы Р. и С. Д. Все это исключало возможность вмешательства рабочих масс в хозяйственную жизнь. В этом реальная основа постановки вопроса о социалистической революции у нас в России» («Протокол VI съезда РСДРП(б)», стр. 108. М. Партиздат, 1934).

Ведкая идея Ленина о возможности победы социализма в одной стране сверкала в этих словах, обобщивших живой революционный опыт масс.

Ленинско-сталинские установки были с витязством приняты огромным большинством съезда. Против них выступила лишь кучка троцкистских и правооппортунистических элементов.

Бухарин, скатившийся впоследствии в лагерь асильных врагов народа, гордо отставала поражением: взгляда на перспектив русской революции. Он отрицал, что пролетариат сумеет повести за собой крестьянство. По его троцкистско-мещинской схеме, крестьянство, «насиженное землей», должно было неизбежно «отпасть» от революции. По

Бухарину вышло, что у рабочего класса России нет сознания, что он насильствен ввнутри страны.

Преображенский пытался «справить» резолюцию о политическом положении, предложенную Сталиным. Суть этой «поправки» заключалась в отрицании не то что победы, но даже возможности иного движения к социализму без «такого пролетарской революции на Западе. Эта поправка мысленная развооружал рабочий класс, связывала ему руки накануне величайшей битвы. Второе ее бы Троцкий. Троцкий накануне Октября, по словам товарища Сталина, «спрятал в шаф» на черной дель еще меньшинственное оружие. Это оружие он издал позме для возобновления борьбы против большевизма. Исключенный из партии и изгнанный из нашей страны, Иуда-Троцкий стал асильным врагом социалистической революции и трудящихся всего мира.

Ленинцам был неном расставления Бухарина, Преображенского и др.: четыре месяца назад, на апрельской конференции партии, Каменев и Рыков пытались с таких же позиций нападать на Ленина. Будущий враг народа Рыков утверждал, что «инициатива социалистического переворота принадлежит не нам». Ленин отвечал ему:

«Рыков говорит, что социализм должен прийти за других стран с более развитой промышленностью. Но это не так. Нельзя сказать, что начнет и кто кончит. Это не марксизм, а пародия на марксизм». (В. И. Ленин. Сов. Т. XX, стр. 253).

И вот как был продолжением апрельской ленинской речи завуаливал на съезде мущинственные слова Сталина, защищавшего революцию от троцкистской «поправки» Преображенского:

«Я против такого окончания резолюции. Не исключена возможность, что именно Россия явится страной, пролагающей путь к социализму. До сих пор ни одна страна не пользовалась такой свободой, какая была в России, не пробовала осуществлять контроль рабочих над производством. Кроме того база нашей революции шире, чем в З. Европе, где пролетариат стоит лицом к лицу с буржуазией в полном одиночестве. У нас рабочие поддерживают беднейшие слои крестьянства. Надо отнестись откровенно к тому, что только Европа может указать нам путь. Существует марксизм догматический и марксизм творческий. Я стою на почве последнего!» («Протокол VI съезда РСДРП(б)», стр. 233—234. М. Партиздат, 1934).

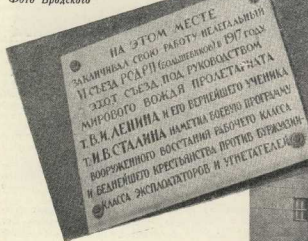
Ленина на съезде не было. Скрываясь от ишек Керенского, вождь революции жил в шалаше на берегу озера Раалим, недалеко от Питера. Здесь он редактировал резолюцию съезда и писал записки Сталину. Здесь были написаны Ильичем знаменитые статьи «К агитации» и «Ответ», тезисы которых отсылали в доклад Сталину. Здесь же были сделаны Лениным первые наброски «осударства и революции».

Ильич жил, Ильич работал... А как близка была смертельная угроза! Контрреволюционная буржуазия требовала, аки Ленина на суд, чтобы расправиться с ним. Троцкий, Рыков и Каменев тогда поддерживали требование буржуазии. Но рядом с Ильичем был Сталин. Сталин резко выступил против предательского требования и помог Ильичу уйти в подполье.

Когда некоторые делегаты попикились на съезде снова поднять вопрос о явке Ленина на суд, они получили единодушный отпор. Резко и горячо выступил против этих попыток Серго и Дзержинский. Съезд подтвердил правильность позиции Сталина, которую он занял еще в июльские дни, когда сказал: нет гарантий, что его (Ленина.—В. Б.) не расстреляют.

Не удалось врагам Октября обезглавить революцию. Не удалось сломить ее маршрут, начертанный Лениным. Съезд нацеливал партию на вооруженное восстание. «В настоящее время мирное развитие и безоб-

Фото Бродского

Ленинград. Улица стачек. Дом культуры имени А. М. Горького на том месте, где VI съезд закончил свою работу. Вверху — мемориальная доска, прибитая к одной из стен Дома культуры.

ПОЛЕТ

— Спать, — человек говорит, — пора.
Ночь, — говорит, — тиха.
Снится ему облака, горы,
Всплеск члунка.

У...
Утренний дождик бьет в окно:
Сним, наконец, — предель...
А Громов,
Жога это время текло,
Сколько перелетел!

Полимер моря, городов, дорог,
Север и Восток,
Не жмурясь, хлещу за один глоток,
Убрал за один вздох!

В мире есть много джун в гор,
Но тот, кто летать силен,
Кажется, — этот земной ковер
Слатывает в рулон.

Подрагивал чистенький тесный дом,
Обреченность его пуста...
И как-то чувствительно, что кругом
Одни нежные места.

У добрых приятелей в доме уют,
Но больше они мычат,
И тучи под этой каварской снуют,
И бури им в подпол стучат.

Как будто земли вообще нет, —
Только одно есть
В намяти — резкий, прямой свет:
СССР. Честь.

Как до звезды долетит весть?
Но власть им такая дана,
Что родину спросишь нетронуто:
— Есть?
— Здесь, — отвечает она.

Будет она провожать до конца.
И кажется им многога,
Что держит она самолет, как птенца,
И трепет у самого рта.

Я знаю, что гражданю это поймут:
Ровня — Сесты — Честь...
Ведь летное дело и дальний маршрут
Во всякой профессии есть.

И тот, кто недавно был книжным зперьером,
Мы выстроил Волгоканал, —
Лет на сто, на триста, не будь дураком,
Себя своего обогнал..

Вчера лишь посажен был, кажется, сад,
Сегодня мы рады плодам.

Пусть молины наших маршрутов бlesят,
И слава гремит по следам!
...Глади, — в Калифорнии розы горят,
Дрозды на деревьях поют,

Зобатым палым качаются в ряд
И тени почти не дают...

От солнца, которое висит в пыли,
Какой-то сиреневый свет —
И в россыпях калифорнийской земли
Ни атома родины нет.

Была Калифорния, ах, далека,
Мечтой достигнуть не могу!..
Но вот привасается наша рука
К предметам на том берегу!

Заморские звери приятны для глаз,
И роды похоть на летя...

Сюда на Москву стало ближе на час,
Чем поездом в Тюмень.

Три добрых приятеля разом лнут,
Земля под ногами верна,
И чествовать их небывалый маршрут
Выходит чужая страна.

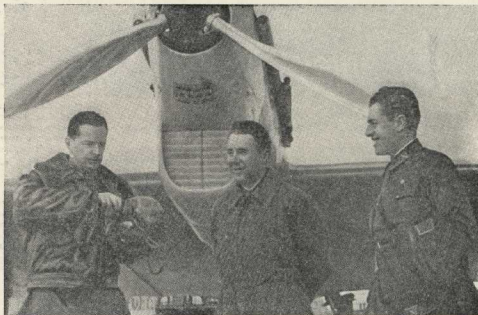
Здесь каждый их тесно обнять поровнит,
Здесь каждому надо тепла,
Которое летчица, сиренчан на вид,
Страна их родная дала.

Три друга не те, чтобы смущены,
Но рады узнать поскорей
Матросов и доверов этой страны,
Летчиков и товарищ.

Берут, наконец, они руки родни,
И в тысячах лиц обратясь,
Вдруг дальнюю родину видят они
На дне затуманенных глаз: —

Такая нам родина, значит, дана —
Свободного метра свесей, —
Кая музья, шипар, разлетает она,
Не тронуя чужих рубежей!

И где бы ни шли мы, дорогой жлоб,
Лесной или горной тропой,
Втроем, в одиночку, колонной, гурьбой —
Мы родину носим с собой!

Герой Советского Союза полковник М. Громов, майор А. Юмашев и военный инженер С. Денилин у самолета «АНТ-25», на котором они побили мировой рекорд дальности полета. Пролетев влад на Чкаловым, Байдуковым и Балковым по трассе Советский союз — Северный полюс — США, героические советские летчики доказали, что регулярное воздушное сообщение между двумя великими странами — дело недалекого будущего.

лесенный переход власти к советам стали невозможны, ибо власть уже перешла на деле в руки контрреволюционной буржуазии.
Привалым лозунгом в настоящее время может быть лишь полная ликвидация диктатуры контрреволюционной буржуазии. Лишь полная ликвидация диктатуры контрреволюционной буржуазии. Лишь полная ликвидация диктатуры контрреволюционной буржуазии. Лишь полная ликвидация диктатуры контрреволюционной буржуазии.

Прочтите стенограмму VI съезда. Прочтите набранные пегитом могоическиме привестия. От кого они? «От заключенных солдат и офицеров петроградского гарнизона...» «От рабочих и рабочих портновского производства г. Москвы...» «От общего собрания рабочих завода Ангелсен...» «От общего собрания рабочих франко-русского завода...» и т. д. и т. д. Массы рабочих и солдат любовно следили за работой съезда, ждали его решений. И все решения съезда были направлены к одной цели — подготовке сил пролетариата к вооруженному свержению власти буржуазии.

Съезд признал всех членов партии вступающих в профсоюзы и борющихся за превращение их в боевые классовые организации. Съезд особо обсудил вопрос о рабочей молодежи, движение которой пыталось тогда воздвигнуть всекие буржуазные элементы. Съезд обратил внимание всей

партии на то, что содействие классовым, социалистическим организациям рабочей молодежи является задачей не только в данный момент. Буржуазия беспокоилась. Черносотенные газеты усилили травлю большевиков.

Очевидно, ишейки Керенского уже разнахали, где происходят заседания съезда. Оставаться в Выборгском районе было небезопасно. Вот почему закончилась работа VI съезда в другом конце города, на Невской заставой.

16 августа, поручик ЦК издать манифест ко всем рабочим мира, VI съезд закрылся.

Готовьтесь же к новым битвам, наши боевые товарищи! — говорилось в этом манифесте. — Стойко, мужественно и сполно, не поддаваясь на провокации, консте шис, стрейтесь в боевые колонны! Под знамя партии, пролетариата и солдаты! Под наше знамя, утешенные дерзны!»

...А еще через два с половиной месяца знамена партии развевались над революционным Петроградом и красноварские тумески с Дворцовой площади разлагались по всему миру весть, что решения предоктябрьского съезда большевиков выполнены.

В. БОРОВСКИЙ

ОГНЕННОЕ СЕРДЦЕ

В этом году ему исполнилось бы 60 лет. Он мог бы еще работать и работать, жить и жить. Но вот уже одиннадцать лет лежит над ним тяжелая могильная плита и по утрам над нею шумят разросшиеся молодые ели.

Почему он ушел так рано? Почему так рано разорвалось его сердце?

Как хорошо ответить на эти торжестные вопросы Сталин в тот тяжелый день:

«...Хочется одним словом охарактеризовать эту кипучую жизнь: горение. Горение и героическая отвага в борьбе с трудностями».

Да, он сжег себя, он сам испепелил свое сердце во имя будущего и сказал:

— Если пришлось бы начать жизнь снова, я бы начал ее так же.

Его биография начинается так.

В скромном домике старинного литовского помещика горит керосиновая лампа. Женщина с красивым тонким лицом задумчиво гладит по голове светловолосого мальчика и рассказывает ему о злом человеке в шикарном мундире с погонями, который 20 лет назад утопил его родную в кровь.

Этот злой человек — усмиритель польского восстания 1861—1863 годов Муравьев-Вешатель.

Мальчик жалко слушает рассказы матери. Его сердце испытывает огнем несправедливости к злодеям, издевавшимся над народом, и он торжественно дает своим сверстникам клятву «ненавидеть зло».

Но где же зло, и где добро?

Мальчик, который уже учится в гимназии, переживает большую внутреннюю ломку. Он начинает понимать, что врагов надо искать не только среди «москалей», но только в петербургских домах, но и в аристократических кварталах Варшавы, где живет польская знать. Он убеждается, что друзей, готовых бороться со злом, можно найти не только среди поляков, но и среди русских. Он понимает, что зло искоренит не борьба национальностей, а борьба классов.

Тогда молодой Феликс поступает так, как подсказывает ему совесть. Он бросает гимназию на последнем году обучения, ставит крест над карьерой и переселяется в рабочие кварталы.

«Уступ сам марксизму и полу кружки ремесленных и фабричных учеников», — закончил он записывать ои в своей автобиографии.

Его арестовывают и ссылают в Вятскую губернию, он, 22-летний, бежит оттуда, жестоко борется в подполье с надзирателями и сразу же становится во главе созданной им социал-демократической партии Польши и Литвы.

Трижды бежит он из ссылки. 5 раз за ним захлопываются тяжелые двери тюрем. 11 лет, почти четверть жизни, проводит он под залесненными сводами централов!

Он издает газеты, листовки, каждое слово в которых — огонь. Он комитет по всей Польше, подвигая себя исключительным пылу. Он прямого раз перекрестит границу, участвует в партийных съездах, и Ленин внимательно выслушивает его советы. Он работает 20 часов в сутки, со всем страстностью готовясь к сокрушительному разгрому царизма и капитализма.

Он беспощаден к врагам и готов стереть их с лица земли, как с металла стирают ржав-

Феликс Эдмундович Дзержинский.

чину. Но сердце его остается попрежнему чутким и нежным. Сидя в тюрьме, он перечитывает «Эстетику» Веррона и мечтает о красоте, о гармонии, о счастье человечества, во имя которого он отказался от счастья личного.

Вот уже долгие годы он не видится со своей семьей: его разлучила с ней тюрьма. И он и его жена — борцы революционной армии. И он и она постоянно под смертельной угрозой.

Его сын родился в тюрьме. Впервые он увидел сына через 10 месяцев после рождения ребенка, когда жену сослали в Сибирь, а мальчик отпал в воспитательный дом. Отец пришел к сыну, выдал себя за дядю ребенка, и смог побыть с ним всего лишь несколько минут...

А через некоторое время, в сентябре 1912 года, Феликс снова попадает в тюрьму. Его судят дважды и приговаривают к 9 годам тюрьмы.

Ему приходится страшно тяжело в мрачном тюремном одиночестве. Но он находит в себе силы пережить свои переживания. И в тайные письма к друзьям, оставшимся на воле, он пишет:

«Когда я думаю о том, что сейчас творится — о повсеместном как будто сокрушении всяких надежд, — я прихожу к выводу для себя, что жизнь заветнет тем скорей и сильнее, чем сильнее сейчас это сокрушение... Я стараюсь смотреть вперед и видеть то, о чем сегодня никто не говорит».

Это пишется в марте 1915 года.

И ровно через 2 года высокий, стройный

человек с огненным взором и горделивой осанкой выходит на свободу. Гремят оркестры. Люди кричат слова приветствия. Развешены красивые флаги. Это февраль 1917 года. Дзержинскому исполнилось 40 лет. Он похуел, у гала легли морщины, заострились высокие скулы, впали щеки. Но глаза его молоды попрежнему.

Под руководством Ленина, вместе со Сталиным, вместе со Свердловым он готовит октябрьское восстание. И не успевают умолкнуть матросские пулеметы, как он сам направляется на работу по водворению в стране революционного порядка.

Член Революционно-военного совета, член коллегии Народного комиссариата внутренних дел, Феликс Дзержинский создает комитет по охране Петрограда. Но как можно говорить об охране одного лишь Петрограда? Нужно расправляться с контрреволюцией во всей стране.

20 декабря 1917 года Ленин записывает торжественным почерком в протокол:

«Назвать комиссию Всероссийской чрезвычайной Комиссии при Совете Народных Комиссаров по борьбе с контрреволюцией и саботажем и утвердить ее».

Кого поставить во главе этой комиссии?

Ленин задумчиво говорит:

— Сюда надо идти хорошего якобинца.

И сразу же с мет вразлетают голоса:

— Дзержинский!

Других кандидатур нет. И Феликс перекрещивается в бывший дом петроградского градоначальника на Гороховую улицу.

«Ф. Дзержинский в тюрьме» (с картины Романина).

С каким пристрастием, с какой требовательностью он подбирает свой аппарат! — Ценком может быть лишь человек с голодной головой, горячим сердцем и чистыми руками. Тот, кто стал черствым, не годится для работы в ЦК, — говорит он своим соратникам.

Первые удары по врагу сокрушительны, но враг еще не умер. Контрреволюция причесывается в подполье, переносит свою деятельность в провинцию. Теперь уже ясно, что работа ВЧК не может ограничиться одним Петроградом. Чрезвычайные комиссии создаются во всех городах. Сама ВЧК переезжает в Москву — сюда переехал правительство и Центральный комитет партии.

6 июля 1918 года вспыхнул восстание. Бесстрашный Феликс, узнав о нем, немедленно отправился в отряд левых эсеров, которым командовал Попов. Предан арестовали Дзержинского и сказали ему:

— Вы будете заложником. Вы отвечаете за жизнь Марии Спирidonовой!

Дзержинский резко ответил:

— В таком случае вам надо заранее меня расстрелять. Если Спирidonову арестуют, — я первый потребую, чтобы ее ни в коем случае не осуждали!

Его обезоружили, и он тут же гневно и прерывисто сказал Попову:

— Отдайте мне револьвер для того, чтобы я мог пускаться в путь к лобу!

Антисоветские партии идут на все, не брезгуют ничем. И когда Феликсу удается вырваться из плена, — он немедленно применяет энергичные меры. На беглый фронт ВЧК отвечает красным террором.

Раскрит и ликвидирован офицерский союз. Под дулами пушек разоружены анархистские банды, свирепствовавшие в Москве. Раскрыто дело шпionской работы, возглавлявшейся англичанином консулом Локкартом.

Как успевает видеть и вслух Дзержинский? Ведь в первые месяцы работы Чрезвычайной комиссии в Москве ее аппарат насчитывал лишь 40 сотрудников, включая шпionов и курьеров. Даже в горячие дни восстания левых эсеров в ВЧК работало только 120 человек!

В дни борьбы с Юденичем какая-то женщина в Петрограде обвинила в буржуазизме Феликса. Сверток подлая красноармейка и разорвала этот сверток. В нем оказались какие-то подпольные чертеники. Так был раскрыт заговор против советов. Один из арестованных

участников этого заговора — отец инженира, обвиненный в свертке, — сказал Феликсу: — Какая же вы асенидация ЦК? Если бы не простой, обыкновенный случай — потеря свертка, — вы бы меня не поймали!

Дзержинский, усмехаясь, ответил: — Если бы не бдительность обыкновенного красноармейца, случайная потеря бумаг не была бы никем принята во внимание. Бдительность рабочего продирает все случаи: в этом сила и мощь ВЧК!

В той непрерывной, тесной связи ВЧК с народом была сила ее, сила Дзержинского.

День и ночь курьеры еще более загруженные, жалуются от бессонницы. Он возмущается на свои плечи трудную черкестскую работу. Он сам делает обьски, аресты, сам допрашивает обвиняемых, ростки заморозки. Он спит в своем рабочем кабинете на узкой жесткой койке за ширмой. Он и пишет здесь же: курьер принесет ему на обед ту же вареную кошку, какую едят все сотрудники ВЧК. Какую нелепую получал одолжкам курьер, когда попытается утешить председателя ВЧК подкармливанием Феликса!

И как раздается он, вырывающийся мимолетом за работу о тех, ради кого он являлся еще то рожевым или революционером!

Вот он бежит в Московский совет, зовонит во все концы, платит своим испытанным чета-там, чтобы найти для одного завода болельца другого — краску, для третьего — краску — покрасть стены давно не ремонтируемых рабочих квартир.

Вот он взлетит бегом по лестнице в кабинет наркома проследования Луначарского и торжественно говорит:

— Я хочу бросить некоторую часть моих личных сил, а главное сил ВЧК, на борьбу с детской беспорядочностью...

Вот он использует перемычку и спешит на Украину: здесь он становится начальником тыла южного фронта и начинает восстанавливать хозяйство!

...Его виделась все решающие фронты. Вместе с товарищем Сталиным он едет на Восток, когда белогвардейский адмирал Колчак восставался развалом третьей армии, в котором был повинен фронт, и прорвал фронт. Вместе со Сталиным он пишет подробный доклад Ленину о том, почему провалилась эта катастрофа и как ликвидировать ее последствия.

Потом спешит он на польский фронт. Он не был в Польше 6 лет. В 1914 году его уводила отсюда как член временного революционного правительства Польши.

После начала мирных переговоров Дзержинский возвращается в Москву. Не выпуская из

рук мечи, он берет за молот. Он председатель ВЧК и одновременно нарком путей сообщения. Работы — явное! Но боляса ли когда-нибудь работы — этот человек? Он исконный асенидатель в наркомате и организует школы на транспорте, расчищает снег на путях и заботится о том, чтобы пассажиры вовремя получали билет.

Гордо страны стиснула костлявой рукой года. В Поволжье умирают люди. И Дзержинский — первый в комитете помощи голодающим.

Он не только организует помощь голодному Поволжью. Нет, он сам отдает голодным все, что имеет. Вот он, асенидатель, входит в свой кабинет с небольшим свертком в руках.

Получайтесь, подавайте это от меня лично в помол, в помолу голодающих. Секретарь, развернувший сверток, поражен. В его руках небольшая хрустальная чернильница с серебряным основанием. Эта чернильница хорошо знакома секретарю: она принадлежит сну Феликса Эдмундовича.

Феликс Эдмундович, но ведь это чернильница Искра!

Нарком резко обрывает секретаря:

— Эта роскошь ему сейчас неужива...

Партия поручает Дзержинскому руководство всеми промышленными предприятиями. Дзержинский — председатель Высшего совета народного хозяйства. Вдобавок к этому он председатель Главметалла.

В начале ноября 21/4 года промышленность утратив свою продукцию и достигая довоенного уровня. Производительность и заработная плата растут в 1/4 раза. Но он недоволен и этим. Он торопит других товарищей: сами — он чувствует, что сердце, напорное в этой нечеловеческой работе, выдержит еще немного. Его уже жутит по ночам страшная, неспящая грустная боль. Но он старается не замечать ее, пересиливая себя, непрерывно проводит за работой бессонные ночи.

Когда же весной 1926 года ему дают отпуск для лечения, он говорит:

— Чувствую, что мер предосторожности, если отдам мне не гарантируют более долгого срока работы. Что я сделаю, то и мое...

И вместо санатория он едет на металлургический завод Южмаш.

Он руководит всей промышленностью и в то же время организует Общество друзей советской кинематографии.

Руководит ГПУ, находит время позаботиться о художниках Палея, забавно охраняя их от псевдореволюционных критиков.

Но вот вновь мурлыкает тонкое лицо Феликса, и спазмы лица снимают его большое сердце.

Осенью 1925 года разглагольствует один из самых драматических влиятелей в жизни Дзержинского, красочно описанный товарищем Микояном:

«...Зинovieв написал тогда свою книгу, где он писал свою дребедень, вроде: «Ухо приложу к земле, слышу шаты истории». Смена этих «шаты истории», по Зинovieву, заключалась в том, что сиа у нас мало, деревня разбит, кулак может нас развалить, а потому...

Зинovieв и Каменев резко критиковали политику нашей партии и сталинское руководство партии. Эти партии еще по-настоящему не знала Зинovieва. Разногласия не выявлялись еще широко, и мы не хотали раздувать разногласия. Я помню страстное обсуждение на этом совещании.

До 3 часов ночи тянулось заседание, шаш трастские споры. Всем стало ясно, что разногласия очень острые и, если их не ликвидировать, есть опасность раскола Дзержинский не выступал, но когда Зинovieв выступил с резкой речью против политики нашей партии, против товарища Сталина, тов. Дзержинский, напорожившись, сказал, вдруг с места крикнул ему: «Вы крикните! Вы изменили!»

...Дзержинский не выдержал и ушел с заседания. Встречу он не свал, писал письмо, и являл их. Наконец, он послал в ЦК письмо,

1 Микоян Спирidonов — один из руководителей партии левых эсеров.

что не может заседать с изменниками. Теперь всем видно, что это изменники, контрреволюционная сволочь, но тогда в широких массах партии по-настоящему их не знали... А Дзержинский своим революционным чутьем угадал, что это не простые разлагавшие, что это не просто оппозиция внутри партии, не уклон от генеральной линии нашей партии, а что это классовые враги с другой стороны баррикады... Тов. Дзержинский с его гениальным чутьем чужака ясно выдал этих крохотликов еще 10 лет назад...¹

Подавляющее большинство не сложная организация революционного оружия и после того, как их разлагали Феликс. Они пытаются плаستي сеть интриг, разрушая единство партии.

Они не впервые выступают против партии. Дзержинский помнил, как эти вредители в октябре 1917 года мешали партии организовать восстание против капиталистов. Он помнил, как, опасаясь за собственную шкуру, они изменники партии и выдала капиталистам тайну подготовки этого восстания и как Ленин требовал изгнания их из партии.

Когда восстание увеличилось успехом, Зиновьев и Каменев пришли к партии с повинной. И их оставили в партии, наделив, что они, испрошив раскаявшись, загладят чистой работой свое преступление.

Но вот сейчас вместе с закоренелым врагом ленинской партии Троцким они возобновляют свою подлую работу, мешают строить новую жизнь.

Со всем страстью благородного большинства сердца обрывает Дзержинский свой гнев на головы предателей.

И вот наступают роковые дни — 20 июля 1926 года.

В этот день Каменев на Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) делает доклад как нарком внешней торговли. Дзержинский знает, что этот человек будет опять выступать против руководства партии, будет кричать о трунистстве, будет говорить о том, что кулак и частный торговек задушит социализм.

Феликс болен. Бледный, осунувшийся, с мешками под глазами, он приходит все же на работу. Он не сила всю ночь, готовясь к тому, чтобы разгромить на Пленуме этого труса.

¹ А. И. Микоян «Феликс Дзержинский». Партия, 1936.

Фото Б. Капустинского

Еще и еще раз он подсчитывает цифирь, представляет статистические выкладки.

Возвращаясь, разгореченный, выходит он в зал, где заседают ЦК и ЦКК ВКП(б). С нескрываемым негодованием он смотрит на трибуну, с которой говорит Каменев. Какой бесчестный левет! Какая экономическая неграмотность! Какие полные, демагогические утверждения! Дзержинскому ясно, что Троцкий, Каменев, Пятаков пытаются развалить единство партии, обить ее с генеральной линии, повернуть страну на реальс капиталистического развала.

И вот, вытиснувшись как струна, Феликс выходит на трибуну. На его щеках играет ахоролощий румянец. Чувствуется, что этот человек с большим трудом сдерживает свой гнев.

— Товарищи!... — говорит он, и голос его, звенящий страстью, вдруг падает до шпота... Я должен сказать, что в докладе Каменева и в дополнении к этому докладу Пятакова и порации в высшейшей степени тем обстоятельством, что один из них, будущи наркомотрестом, а другой заместителем председателя Высшего совета народного хозяйства, проявили полное незнание и незнайомство с теми вопросами, о которых они здесь трактуются...

Ему трудно говорить. Сегодня ночью был новый припадок грустной мысли, и сейчас ему опять не хватает воздуха. Но он человеческим усилием преодолевает тягостную, осущающую боль в сердце и продолжает речь.

Нет, это не речь — это крик ума и сердца, крик воли и страсти. Этой страстью знают убийственные цифирь и факты, которыми он уличает трусливого оратора в безделье, а не в жестокости, в неумении работать.

Бесцучу стесанскими пенсия, из-за стоа вымирания испуганная фигура... — Каменев хочет засалиться репликакой:

— Вы четыре года нарком, а я только несколько месяцев... Жалкая пошлость! Реплика сбита молниеносным контраргументом:

— А вы будете 44 года, и никакая негодим (омер), потому что вы занимаетесь политиканством, а не работой. А вы знаете отлично, мою сила заключается в чем? Я не дружу себя никогда. И поэтому вы здесь все меня любите, потому что вы мне верите. Я никогда не кривлю своей душой; если я вижу, что у нас

непорядки, что со всей силой обрывается на них...

Громкие аплодисменты прокатываются по залу и вдруг стихают. Весь зал охвачен чувством трогательности, что Дзержинский Он является рукой за сердца, точно хочет вывернуть всю чужую боль. Капли пота падают по лбу...

Но он снова и снова преодолевает себя и продолжает речь. Какой блестящий разгром жалких трусов! Какая прелесть, что в ременьная разработка сложнейших вопросов политики цен, борьбы с частным капитализмом, ликвидация товарного голода, построения бюджета!

Феликс Дзержинский отчетливо видит, насколько вредна и пагубна «политика» разрыва с сервильным, которую Троцкий и Зиновьев пытаются противопоставить политике партии. Он разоблачает вреднейший смысл болтовни Троцкого о том, что хороший урожай представляется собой, опасность для социализма. Он показывает всю фальшивость болтовни Каменева о мнимой опасности роста благосостояния деревни. Он разоблачает Пятакова, бросая ему в лицо резкую, заслуженную оценку:

— Вы являетесь самым крупным дезорганизатором промышленности!

Опешив, он уходит на трибуну. Дзержинский четко и раздельно говорит:

— ...Нало страну индустриализировать, а этого не будет, если не будем получать все в большей и большей степени продукты сельского хозяйства. Почему? Потому что нам нужно из деревни сырья, нам нужен хлеб, нам нужна зола, нам нужна картошка, шерсть, нам нужно лесное сырье. Нельзя индустриализироваться, если говорить со страхом о благосостоянии деревни. Я спрашиваю: что значит богатение деревни по сравнению с тем развитием, которое получает наша промышленность в отношении удовлетворения нужд рабочих?

И, наконец, совершенно обессилев, он бросает в лицо Каменеву, Зиновьеву, Пятакову и Троцкому свою последнюю фразу, которую звучит как посмертный приговор:

— ...Все те данные и все те доводы, которые здесь приводила наша оппозиция, основаны не на фактических данных, а на желании во что бы то ни стало помешать той творческой работе, которую Политбюро и Пленум ведут...

Шпатак, он покидает трибуну и выходит в соседний зал. У него пошаток. Суетится врач. Но езда он приходит в себя, он просит их уйти, не хочет даже выслушать их совета. Сейчас важно другое. Он зовет на зал ответственного товарища. Что там, на Пленуме? Как разоблачать оппозицию?

Пересаливая боль в сердце, он снова и снова говорит срывающимся голосом. На это им нужно ответить так. Здесь нужны такти: зодоль. А это зыблывание легко можно разоблачить так-то... И он торопит товарища, чтобы товарищ договорился с трибуной то, о чем не успел сказать он сам.

Когда окончилось заседание, он поспешно на ноги, с трудом вылезло по лестнице в свою квартиру и тяжело рухнул на пол.

Сердце бойца разорвалось.

Имя и дела Дзержинского бессмертны. Бессмертны его традиции.

Вышедший из народа, воспитанный Сталиным, окруженный любовью тридцати пяти лет родины, тов. Ежов продолжает работу, начатую Дзержинским. Ученик и соратник великого Сталина, Николай Ежов восстановила священные традиции чести, заложившие железным Феликсом. Он отстоял острое меч, который стараясь притупить предатель Ягода. Он разоблачила подлую шайку врагов народа и опустил на их головы этот варварский меч. Он успешно стоит на страже государственной безопасности страны социализма, очищая воздух нашей родины от гнилых ядов, которыми капиталистический мир пытается нас отравить. И в той борьбе, которая советской страной окружает работу Наркоминдела, а безграничной преданности советских патриотов делу партии, делу Ленина — Сталина, — великое бессмертие рендаря пролетарской революции Феликса Дзержинского.

Товарищи Дзержинский и Литвинов.

Рисунки П. Клеттенберг

СТАРШИЙ СИНОПТИК

...Стрелка спидометра показывала 100 километров. Машина мчалась по широким — пустынным в этот ранний час — магистралям города. Старший синоптик отдернул шторку, закрывавшую боковое окно. Был серый, ненастный день. Облака низко скопились над городом. Туман поднимался между высокими рядами домов. Машина находилась теперь на площади Дворца советов. Облака почти наполовину закрывали прекрасное, устремленное вверх здание.

— Облачность 100, вет. 80 метров высоты, — пробормотал синоптик. — Видимость? Видимости никакой! Прогноз? Самый паршивый прогноз... И все-таки они полетят. Разве эти люди понимают доводы разума?!

Шофер вел машину, не прислушиваясь к бормотанию своего спутника. Надо было галдеть и обо. Даже дома еле виднелись в тумане. Синие, красные, зеленые неоновые нити реклам и вывесок фантастическим узором проглядывали сквозь серую неперлазку. Ярко горели белые накаленные шары уаэтрафонарей. Автомобил мчался теперь по мосту Вилуу, на железными фермами, пама паровой. Размеры его угадывались по огням. Огни горели на носу и корме океанского великана, памящего на свободной Испании по морям, рекам и великой системе каналов в Ленинград...

Мягко шуршали шины. Скорость почти не ощущалась, а спидометр показывал 140—150 километров. Ряды домов копчались, магистраль проезжала теперь земную зону Москвы — летние великого города. Пахло влажной асфальта, травой, дождем... Синоптик на минуту прикрыв глаза. Как всегда, уже за 10—15 минут перед тем, как должно было показаться замечательное (ему оно казалось самым прекрасным в мире) здание ДТС — Дворца транскартических сообщений, — старик испытывал особое, непроборимое волнение. Все, что было связано с ДТС, до сих пор казалось ему фантастическим, невероятным.

«Чорт возьми, — думал синоптик, — для нынешнего поколения эпопея завоевания полюсов — что-то далекое и легендарное... А ведь это произошло совсем недавно. На моих глазах осуществлялась прекрасная мечта человечества.

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ДНИ

...Люди сидели в штабе. Крутые сутки сжиминуто звонили телефоны. Стояли, Чкалов уже несколько суток, по всем направлениям, вообще не спали. Карты лежали на столах. Синоптики разбиралось в местных погодках, приходящих из Норвегии, Америки и всего Советского союза — от полюса до Якута. Надо было разобраться в сложном переплетении воздушных течений, найти безопасную дорогу. Дули встречные ветры, воздух стремительно стекала, обрушивалась в зоны низких давлений, фронт непогоды расширялся. В штабе звонки учащались, как пуск взвешивающего человека. Радостно, учащенно билось сердце великого города...

Чкалов воледал в сплошную облачность, пробивался вверх, пытался выйти из облаков. «Движение птицы всегда должно быть над облаками, дабы избежать намокания и дабы имелась возможность открыть безопасную страну, — писал вождю Леонардо да Винчи... Но птице нужно дышать. Там, в разреженных слоях атмосферы, для жизни необходимо кислород. А запасов его были крайне ограничены. Шли слесным полетом. Самолет обледенел. Антиобледенитель задерживал впит его ады...

Город не спал. В реляциях ко утру не расхолались люди. Настоящий трещали телефоны. Кто только ни справлялся о судьбе героев! Как будто весь город, весь Советский союз были населены только родственниками Чкалова, Байдукова, Белякова!

— А потом, когда «АНТ-25» сел в Португалию, у каждого был такой гордый, сияющий вид, точно Чкалов (которого большинство знало только по портретам), а именно он одержал эту победу. Неназванные в трамвее делавшие неслыханный. Книга Алексея Дюродатова «Вши крылья» читалась людьми всех профессий. Люди всех возрастов чувствовали себя пилотами. Крылатое поколение... Даже у тех, кто не умел летать, были открытые души...

И все это в удивительной степени повторилось через несколько дней при перелете Громова. Какую бурю гордых чувств вызвала этот атлетически сложный, сложный человек, оттопивший для своей страны мировой рекорд дальности, который с 1933 года держали Колос и Госсин!

В газетах писали о новой, советской эре истории мировой культуры. Лавина вырвалась по Франции, возмужала в Америке — теперь Страна советов по праву отождествляла ее знамена. Громовский перелет показывал, что совершит освобожденное человечество, когда не война с людьми, а война с природой станет основным содержанием жизни...

ДВОРЕЦ ТРАНСАРКТИЧЕСКИХ СООБЩЕНИЙ

Буквы ДТС горели ярким, накаленным светом. Понизже возникла и гласа элетрическая надпись: «Самолеты линия Москва — Полюс — Сан-Франциско отходят ежедневно в шесть часов утра».

Машина мягко затормозила. Синоптик вышел из автомобиля и затормозил на освещенному подгаду вокзала. Внутри было еще пусто. Старик поднялся по широкой марморовой лестнице, в сотый раз рассматривая картины, украшающие стены. Для него это были старинные дивинны... Искусное скрытое освещение делало фон глубоким, прозрачным точно воздух. Из полумарка, распастав крылья, стремительно мчался легендарный советский корабль — самолет «АНТ-25». Всегда, когда он смотрел на него, в память приходили слова великого художника прошлого о птице, которая пролетит над всем миром, неся на крыльях славу своего народа...

Нарисованные лучшими живописцами мира картины следовали одна за другой. Портреты Сталина, по мысли, по воле которого люди великие создавали работы, портреты Шадата, Володькова, Громова, Чкалова и героев своего поколения. На одной из композиций художник воссоздал момент, когда во время перелета володьковского корабля на полюс потек раянатор мотора. В жестокий мороз, на бешеном ветру люди окутывали трюмные рамы мотора, чтобы собрать затекшую жижу и вынуть ее обратно в охладительную систему мотора. У механиков несли от холода руки. Опасность увеличивалась с каждой минутой. Чтобы не поплыть штурмана, Володьков скрывал от него тяжелое положение. А потом ока-

Набережная порта Диксон застроена прекрасными зданиями. В порту стоят десятки судов...

Исцурктыка

А. ШАРОВ

будет обидна, тов. Данилин передавал цифру 38. В песне, которая пелась тогда и поется еще сейчас, есть слова о родине, которую мы любим, как невесту, бережем, как ласковую мать...

...Старший снопотик проходит по галерее, точно через самые значительные годы своей жизни. Воспоминания одно за другим возникают в сознании. Воспоминания заставляют часто, взволнованно биться сердце...

ГОД ВЕЛИКОЙ ЗАСУХИ

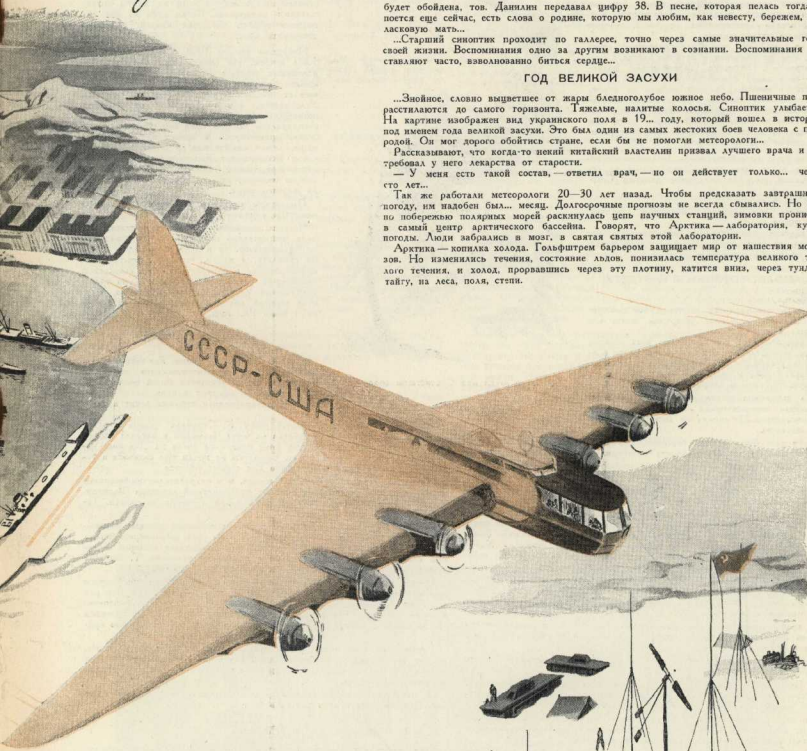
...Знойное, словно выцветшее от жары бледноголубое южное небо. Пшеничные поля расстилаются до самого горизонта. Тяжекие, налитые колючей. Снопотик улыбается. На картине изображен вид украинского поля в 19... году, который вошел в историю под именем года великой засухи. Это был один из самых жестоких боев человека с природой. Он мог дорого обойтись стране, если бы не помогли метеорологи...

Рассказывают, что когда-то некий китайский властелин призвал лучшего врача и потребовал у него лекарства от старости.

— У меня есть такой состав, — ответил врач, — но он действует только... через сто лет...

Так же работали метеорологи 20—30 лет назад. Чтобы предсказать завтрашнюю погоду, им надобно был... месяц. Долгосрочные прогнозы не всегда сбывались. Но вот по побережью южных морей распахнулся цепь научных станций, зивомки проивали в самый центр арктического бассейна. Говорят, что Арктика — лаборатория, кухня погоды. Люди забрались в мозг, в святая святых этой лаборатории.

Арктика — копия холода. Гольфштрим барьером защищает мир от нашествия морозов. Но изменились течения, состояние лавов, понизилась температура всакого теплого течения, и холода, прорвавшись через эту плотину, катится вниз, через тулдару, тайгу, на леса, поля, степи.

Станция «Северный полюс».

залос, что Сиприн также все знал и хранил тайну, чтобы не нарушать спокойствие командира.

...А рядом художник воспроизвел рябину самолета. Под кумлом — горы (или, может быть, это высокие торосы). Крылья сверкают холодным, опасным блеском от лавки льда, покрывшей их. Грозов сидит у штурвала. У него назмуренное, сосредоточенное лицо. Положение серьезное. Данилин выстукивает радиогамму. Текст депешив приведен тут же, внизу. Цифры — международный код, понятный радистам всего мира. И последняя цифра — 38.

38 означает «Все в порядке». Пилоты вели корабль через циклон с одного материка на другой по великой сталинской прямой. Самолет обледенел, тангулись тревожные, опасные минуты. Но экипаж не хотел зря волновать людей своей родины — 180 миллионов человек, которые, затаяв дыхание, ждали каждую радиогамму. И, уверенный в том, что трудность

Визажист?

Нет, конечно, не визажист!

И холода, и засухи, и бешеные ветры подчиняются своим законам. Научные станции в сердце Арктики уноса долготу мужественного научного труда разгладил эти закономерности, управляющие какамитом.

Труд физиков, метеорологов, математиков, биологов дал чудесные результаты: люди научились «видеть» погоду за много месяцев вперед, давать долгосрочные прогнозы, которые блестяще оправдывались.

Так зимой 19... года была предсказана суровая, еще не виданная в истории засуха.

Астрономы, ботаники, руководители колхозов—весь народ приоткрылся встретить врата. Институты высших урожан выбрал из огромных семейных записок страны неистребительные, засухоустойчивые сорта. Заманчивы были аянты на учет, скудных покровов снега весь остался на полях, большие оросительные работы спасли тысячи гектаров.

Там была одержана победа. Половинным золотом зерна была награждена страна за героический труд по овладению даеким Севером.

Синего небо.

Далеко простирались обильные золотые пшеничные поля.

Синюпик почувствовал гордость за свою страну, за свою науку. Иной, молодой похолодной он прошел даале.

САМОЛЕТ ГОТОВИТСЯ К ОЛЕТУ

—Времяшло.

Теперь поработа сета заливала все помещенные вокзалы. Синюпик убила шага. Он прошел в свой кабинет.

Метеорологи, пересматривая со всех концов мира, автоматически отмечали на карте. Синюпик угадал в рассмотрении материалов, определяя высоту, наиболее благоприятные по облачности, силе и направлению ветров.

На аэродроме жизнь шла своим чередом. Очередная шестиместная 72-местная машина «Трансарктика-23» стояла на бетонной стартовой дорожке.

Баки уже были заняты горючим. Бортиженсер, осмотрев все сложное метеорологическое хозяйство, вместе с штурманом направились в помещенные лётного состава.

До отлета оставалось 30 минут.

В вокзальном ресторане был шумно и оживленно. Самишлась русская, французская, английская речь.

Начальник порта исторком носился по своим владениям. Сегодня один за другим—с интервалом в 45 минут—отправлялась два самолета: рейсовый Москва—Архангельск—Диксон—Полюс—Земля Банкса—Сан-Франциско и экспресс Москва—Полюс—Дос-Анжелес. Кроме того вылетала несколько транспортных дирижаблей—воздушных черепашек, как их звали на англичан—и целая масса арктических почтовых самолетов, направляющихся на Чукотские золотые прииски, промысла Нодуиенгити, разработки острова Врангеля, в порты Диксона и Тикси.

День был трудный, хлопотливый. Дирижабль нагружался горючим для промежуточных баз.

В транспортном зале, у кассет с цыплятами, оторвавшимися на остров Рудольфа, ходил бедный, взволнованный человек и повторял один и те же фразы:

—Райи бога, будьте осторожнее! Это особенные цыплята! Будьте осторожнее!

—Вниманию!—грохотал громогворитель.—Граждане пассажиры, начинается посадка на самолет «Трансарктика-23». Посадка производится на третьей стартовой дорожке. Соблюдайте порядок!

До отлета оставалось 10 минут. Ревели моторы, бешено вращались винты, разбрасывая клочья тумана. К ползущему вокзалу подкатывали машины с последними, запасающимися пассажирами.

72 человека заняли свои места в пассажирской кабине (ее можно было бы назвать залом). Пилот, штурман, радист, старший бортинженер ушли в самолет.

Штурман нажал «сигнал тревоги»—и самолет оказался изолированным от внешнего мира. Шум мотора не доносился сюда. Еще несколько секунд... Самолет двинулся с места. Скорее, скорее! Вдоль стартовой дорожки горели, уходя вдаль, две яркие эвентрические полосы. Самолет качнулся между ними.

Тот же на мгновение оторвался, полетел, как раз мягко коснулся дорожки, точно прошлись с московской землей, и начал уверенно набирать высоту.

—Граждане пассажиры,—объявила между тем на вокзале громогворитель.—Сейчас третья стартовая дорожка поднялся самолет «Трансарктика-23». Через 20 минут начинается посадка на самолет экспресс «Трансарктика-2».

Самолет «Трансарктика-23» развернулся и лет на курс.

Самолет летел над Скалистыми горами.

ЗАМЕТКИ В БЛОКНОТЕ

Самолет шел по радиомаяку. Видимость была настолько плохой, что пилот и штурман задерживались на оных. Летел медленно. Радиомаяк Архангельска послал в мир два луча, два сигнала: «точка тире» и «тире точка». Если сигналы совпадали одинаково, значит самолет шел между лучами на материи арктического радиомаяка. Когда один из них доносился громче, заглушая другой, следовательно выпирал курс.

Набирал высоту 1000, 2000, 3500, 4000, 5000 метров. Из специальных баллонов, наполненных жидким кислородом, этот газ все время поступал в термостатические изолирующие от внешнего мира помещения самолета. Углекислый, образовывавшийся от дыхания, поглощался специальными флягами. Кабина отапливалась теплым воздухом. Кроме того в сумке, пристегнутой к креслу каждого пассажира, лежала комбинация со штепселем. Надеемся и в будущем при помощи специального регулятора, можно было создавать вокруг тела любую температуру—от приятной прохлады и до жгучего жара.

Пассажиры угадывали в чистине, текли бесконечные самолетыные равнины.

Человек, сидевший в глубине пассажирского зала, внимательно оглаждала своим товарищей по путешествию, то и дело поднималась, ходила по самолету, а потом, усевшись, что-то торжественно вносила в блокнот. Это был журналист, готовивший корреспонденцию к юбилею трансарктических сообщений. Мы приводим часть этих записок, опубликованных в номере газеты от 3 июля 19... года.

ЗАМЕТКА ПЕРВАЯ

«Туман. Ничего не видно. Все-таки две девушки (студентки Диксонского политехнического института, возвращавшиеся домой после каникул) нетерпимо смотрят в окна. Какая разнообразная публика летит в самолет!»

Вперед, у окошка, полусидящий врач К. Странная судьба у этого человека. 10 лет назад он работал на месте Челюскина и заболел общим заражением крови. Близкий врач находился тогда на Диксоне. Человек был уверен, что погибнет. Самолеты не могли его садиться в тумане, таска не была оборудована для спасения полетов. Но вопрос стал о человеческой жизни, и в старательную весеннюю непогоду с Диксона вылетел самолет, пилотируемый летчиком Фарником. Экипаж выполнял задание: врача К. вывезли и спасли от смерти. Теперь он едет снова на Север...

Рядом с доктором К. маленький человек в огромных ротовых отходах—инженер Т. Странная! Ветероцентризм! В этом году ветроэнергетические станции Арктики соединятся с длинным высоковольтным кабелем. Бешеные северные ветры помутят, наведут полчищами человеку. Т. беседует с бедным человеком; он тоже замечательный—птицецел.

Несколько лет назад на Диксоне появился первый самолет. Тупався вечный день. Когда теплые прощались, солнце стояло высоко. Первый раз в жизни он проспал рассвет. Петух задался взволнованным, немотуемым кукареку. Он аорк декурла, поджидая заката, но проходила час за часом, а солнце не исчезало. Тогда петух начал непрерывно кричать.

Точный как хронометр, самый точный петух во всем птицеводстве, он сам теперь терял к себе уважение. Но прошло несколько дней, он смирился с обстоятельствами, стал кукарекать точно, не обращая внимания на поведение соопла.

От этого петуха повелась целая раса диксонских кур, петухов, цыплят. Птицеводство процветало в быт...

В УРАГАНЕ

Едва журналист дописал послесловие слова, самолет начал немалосильно качать. Ураганный ветер бросал воздушные корабли как щепку.

—Спокойствие!—предупреждал громогворитель.—Попали в циклон. Будем обходить полюс немногим.

Успокоив пассажиров, штурман продолжал работу.

Циклон налетел неожиданно. Самолет набирал высоту. Но ураганный ветер не оставлял корабль. Самолет вышел из зоны радиомаяка, и теветер не оставал корабль. Самолет вышел из зоны радиомаяка, и теветер не оставал корабль. Самолет вышел из зоны радиомаяка, и теветер не оставал корабль. Самолет вышел из зоны радиомаяка, и теветер не оставал корабль.

Поднимались все выше и выше. Теперь стало тихо. Но самолет сбился с курса. Надо было искать дорогу. Штурман вращал ручку внизу. Он вращал ее, пока не стал изобличен, что самонаводящиеся системы Диксона. Это означало, что различная этина расположена перпендикулярно к направлению ради Диксона. Так же штурман определял направление ради Мурманска. Он протестовал обе эти линии—на пересечении находился самолет.

Шли к Диксону, нагоняя потраченное на борьбу с ураганом время. В помещениях пассажиров время было тихо и спокойно. Журналист снова принялся за свои записки.

ЗАМЕТКА ВТОРАЯ

«Первые пять минут каждого часа самолет связан радиотелефоном с Москвой, вторые пять минут — телефонной сетью Советского союза. В Москве через радиотелефон ДТС можно вызвать любого абонента. Все-таки огромное удобство.

В самолете обеды и закуски. Буфетчик разносит личинки, апетитно поджарившиеся на электрической печке, битки, шницелы, салаты, кур, кофе, чай, коньяки. — словом, все, что угодно.

Старомодного вида парочка смущенно кидает под пресса газетные свертки (это они, видимо, взяли с собой завтраки). Теперь прояснело — видно море. Мы приближаемся к Диксону. Но самый остров закрыт густым туманом...»

ПОСАДКА В ТУМАНЕ

Аэродром был закрыт. С земли самолету сообщали: видимость 10 шагов.

Пилот проверил прибор для слепой посадки. Спустили трос лота-высотомера. Перед летчиком скользящая специальная палка. На нее синими линиями.

Палка воспринимала лучи, которые свободно проходили через туман, но не видимым глазом. Мгновенно проявленная, палка сообщала пилоту о местах, над которыми корабль пролетел две секунды назад. Так был найден аэродром. Самолет сигнализ.

Лот-высотомер коснулся земли, и в то же мгновение загорелись две лампочки — одна контрольная, рубиново-красная, другая бледно-розовая. Цвет второй лампочки становился ярче, насыщенный с каждой секундой. Значит, самолет приближался к земле. Пилот, смотря на световые сигналы, точно ощущал приближение к аэродрому. Наконец, машина мягко, «спиритично», коснулась земли. Для сигнала горели одинаковыми, ровным рубиново-красным пламенем, а кругом был туман, скрывающий от газа даже плоскости самолета.

— Порт Диксон, — сообщил громкоговоритель. — Опоздание 30 секунд. Остаточная 1 час. Граждан пассажиров просит в помещение аэровокзала порта. Через 1 час самолет отходит на полосу и дальше по маршруту.

ПОРТ ДИКСОН

Сели в абсолютном тумане, а через 30 минут прояснело. Туман утихал, давали, в гави материка.

Пассажиры вышли погулять по Диксону. Замечательная картина расстилалась перед глазами. В порту стояли десятки кораблей. Грузовые тапшеры, ласовики, белоснежные рефрижераторы, только что взвешенные груза сажер красной рыби с промыслов в устье реки Таймер. Старый каюр Журавлев, прозванный в абсолютно безлюдных тогда местах еще в 1937 году, пожалуй, первым предсказал реке прекрасное промышленное будущее.

Большой океанский пароход уходил в море. Он вез для Норвегии нефти в порт «Бухта геронимал эрингит-установку. Лет 10—11 назад

в бухте высадилась первая группа людей. Пароходы, которые везли оборудование и лова, не сумели пробиться сквозь льды. Надо было обойтись своими силами. В нескольких десятках километров нашлись — значит, строительные материалы есть. Запасы продуктов питания увеличил масом оленей.

На побережье возник поселок. Характерно, что в одном из первых домов оборудовали яси. Поселок рос. Только теперь люди вспоминали, что второпях ему забыли дать название. А это была уже настоящая деревня. Арктика знает названия «Кресты», «Могилы де Ланга» — мрачные, могильные, грустные. Этого городу дано прекрасное светлое имя. Вырос порт. Подходили корабли и, капитанский мостик, падали на Диксон Восток...

«В порту развевались флаги. Набережная была застроена прекрасными трехэтажными зданиями. Аэровокзал, поларный университет, управление порта, дом связи и, наконец, театр. Хотелось побывать тут побольше. Но самолет готовился к старту, и надо было заканчивать свои места.

СТАНЦИЯ «СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС»

Опустился на станции «Северный полюс». На большой адыне высились отель, сделанный из металлических конструкций, домини научных лабораторий, высочайший ветряк и мачты радиомаяка. Пилота полюса бежали по аэродрому, встречая самолет. Это была уже десятка зимовка, высеченная на полюсе. Остальные 9 адыни оторфованы далеко.

На 3 из них жили люди (их доставали самолетами). Некоторые — первый год, другие — второй и третий годы. Кроме того имелись зимовки на полюсе непрерывности.

Всего в центральной арктической бассейне жило 98 человек: метеорологи, гидрологи, биологи, радисты. Связь между зимовками поддерживали тапш-амфибии — замечательные машины, движущие по воде и легко перебегающие через торосы. Газеты сюда доставлялись в день выхода, а зимовочный полюс непрерывности получали их на вторые — третьи сутки. На «полюсе № 10» имелись парник (свои огурцы, помидоры), который обогревался ветрячеством (энергия давала ветряк). Особо богатое хозяйство вела «полюс № 7». Тут на адыне находились даже оранжереи.

Закхватив 3 новых пассажиров, самолет снова поднялся в воздух. Через два часа показались побережья Канады. Летели над границей Британской Колумбии и степной Алябэрий, пересекли Сиалятские горы. Под крылом проносились леса, сале — просторы тундры, подтаявшие земли. Штаты Вашингтона, Орегона, Калфорния. Ровно через 24 часа после вылета спустились на аэродром Сан-Франциско. В этот момент с аэродрома Москвы поднимался очередной самолет «Трансарктика-23»...

ОТ РЕДАКЦИИ

Очерк должен был быть напечатан в альбоме юморе «Смехи» за 1947 год, к десятилетнему героическим перелетов Чкалова и Громова. Печатаю его раньше на десять лет, им заранее просит прощения автора за могущие вкратке ошибки и неточности. Они будут исправлены своевременно.

Величайший город Америки — Нью-Йорк.

Бородинское сражение 26 августа 1812 года. Атака на кире лейбвардии Литовского полка (с рисунка Н. Самокиша).

На полях бородинской битвы 4 сентября 1812 года (с французской гравюры).

БОРОДИНО

I

«...Солдаты наши ждали, просили боя. Походка к Смоленску, они кричат: «Мы ждем боя!» Борода наших отцов, пора драться!» Узнав о случайном соединении всех корпусов, они обещались по-спасу: вытеснить руку и разбить лагерь адмирала с раздвинутыми палками: «Пришло мы были так!» (т. е. корпус в армии, как палки на руке, были раздвинуты). «Теперь мы! — говорили они, сжимая пальцы и сжимая лагерь в кулак, — вот так! Так пора же (замыкавшись дюжим кулаком), так пора же дать французам раз: пот так!»

Так раскатылся о русских солдатах в августе 1812 года русский офицер, участник войны в России с наполеоновской Францией (Ф. Глинка, автор «Очерков Бородинского сражения». М. 1839). Свидетельство — не единственное в своем роде: кто бы ни писал о двенадцатом году: русский военный историк Богданович или немецкий генерал Клаузевиц или сам Наполеон, — все неизменно говорят о боевом духе русского войска.

Но не только армия жила эти чувства.

Крестьянские семьи в тот год с необыкновенной остротой и болезненностью ждали присутствия (а ведь рекрутчина и солдатышная муштра всегда были ненавистны крестьянству). Что же касалось их отцов, то о них впоследствии так писал один из современников, анализирувавший причины провала наполеоновского вторжения: «Вытеснен злодей из Москвы не армией, но бородами московскими и калужскими».

Император Наполеон начал войну против России, уверенный в быстрой и полной победе. Загнав войска почти всю материковую Европу, оставивший на колени десятки народов, этот захватчик мечтал теперь о мировой империи через Россию: он хотел добраться до сказочно богатой Индии. Одни из солдат его Большой армии писали на родину отцу: «Мы вступили сначала в Россию, где мы должны послужить не менее, чтобы открыть себе проход дальше... собирают громадные силы. Мы не знаем только, против одной ли России это».

Наполеон Бонапарт сделал свою военную карьеру в том Великой французской революции. Революция подняла его, скромного артиллериистского офицера, на головокружительную высоту. Наполеон заплатил за это революцию совершенно в духе своего класса: он задушил ее. Став монахом, он подчинил все свое действительное делом контрреволюционной буржуазии. Ленин писал об этой эпохе: «...оказался победой реакция внутри страны, контрреволюционная диктатура Наполеона прервала войну со стороны Франции на оборонительных в завоевательных» (Ленин. Т. XXII, стр. 190). Вся Европа, весь мир тогдашним был стать поставщиками сырья для французской промышленности и рынком для французских товаров.

Наполеон об этом континентальную (т. е. ок-

ватывающую все страны европейского континента) блокаду Англии. Островная Англия с ее развитой промышленностью, с ее предпринимчивой и выдумчивой буржуазией была самым опасным и могущественным противником империи Наполеона. И Наполеон, неустанно готовясь к разгрому Англии пушками, предпринимал попытки ее эконо-мически; по его декрету, ни одна из частей империи не смела покупать английских товаров.

Россия, связанная с Францией договором, должна была принять участие в континентальной блокаде. Она должна была отказаться от вывоза в Англию хлеба, от сделок с английскими купцами. Помещиков российских это било по карману, и они требовали от главного среди них — русского царя Александра I — разрыва с Наполеоном. Царь, проигравший уже Наполеону две войны (1805, 1806 и 1807 годы), козлябас... Тем временем английская контрбандра густым потоком шла на русский рынок. Наполеон знал об этом и решил действовать.

Почод в Россию Наполеон готовил с весны 1812 года. В ночь с 11 на 12 июня (старого стиля) 400-тысячная Большая армия Наполеона, наведя pontonные мосты через Неман, начала переправляться на русскую сторону.

Русская граница была прорвана. Французские кавалеристы заметили только удальишники с лесу одинокий калачий развал — большое ничего не было. Русская армия отходила в глубь страны.

Нашествие Наполеона с первой же минуты споткнулось о тонкий стратегический замес.

Стратегия русского командования была рассчитана на ослабление армии противника (искусство потерь от диктаторского похода по враждебной стране и необходимости выдвигать гарнизоны для охраны тыла) и на усиление своей армии (будут подходить подкрепления).

Главнокомандующий французам мог бы одним своим шагом разорвать весь этот мир. Но, чтобы сделать этот шаг, он должен был быть не венценосным императором Наполеоном, а революционным генералом Бонапартом. Он должен был вернуться к великим принципам 1789 и 1793 годов, разбивших во Франции феодализм. Наполеон этого шага не сделал. Освободить русского мужика из-под кре-

постной казны — этого не было и в мыслях Наполеона.

Белорусские и смоленские крестьяне, выбитые суровыми токами о змею и волка, арестовывали своих господ и управителей. Генералы Наполеона освобождали помещиков, а крестьян за такое «свободолюбие» пороли и расстреливали. В июне посылка конной охраны для защиты дворянства от бунтовщиков. Наполеон, вспоминая о вспыхивающих крестьянских бунтах, с отвращением говорил впоследствии об «отрубении» этого многочисленного класса русского народа.

Русское войско, русский народ проникались все большей и большей ненавистью к врагу, опустошающему деревню, забирающему сено и хлеб, оскакивающему роющую землю.

Уже в бою под Смоленском и Валутиной горой солдаты показывали образцы стойкости и храбрости, изумившие выдвинутых имей французов. Лишь испанские крестьяне с такой же неукротимой яростью защищали свою землю.

26 августа произошло, наконец, генеральное сражение между русской армией и армией Наполеона. Сражение было дано главнокомандующим русской армией Кутузовым в 108 верстах от Москвы, в 9 верстах от Можайска, вблизи деревни Бородино, имя которой вошло во все мифологические топи.

II

Бородинское поле, возросшее в десятилетия стотворений, представляется обычно необоримой долиной, величественной и печальной, над которой тихо реют призраки смерти.

Между тем место это имеет над будущим и деловой. Скрытый, неприступный, заложил поля, засеянного козляком овсом и гречихой, озабоченного перелесками, не сразу настраивает на тот возмездный лад, которым звучат, например, салютные стрелы известной партизана и поэта двенадцатого года Дениса Давыдова:

«...маленькие холмы, дои, иногда кровавый. Отдайте мне ваш день, день невоенной славы...»

Полвека дорогой бежит грузовиком с надписью по борту: «Бородинское сражение». Проходит с пелес авторское звание раскопанный десенский потыталов на всемогущее подвизает к одинокому белому домику, стоящему в открытом поле на дороге из Бородинки в Смоленское. Здесь военно-исторический музей. Почта потыталов достанет директору музея телеграмму, завтра присаживает экскурсия...

В равных точках поля чересовит обласован. На вершине олого железяный орел, являющийся котками в рывале джиро, кося раскрасовившийся кривая и озирающий степь. Волеа другого памятника четыре прыгала в землю пушечный жерла. Но ни орел, ни жерла не волеуют так, как выписанные на марморе отменили:

«...вышло из строя: офицеров — 36, нижних чинов — 932»,
«...убито: офицеров — 23, нижних чинов — 327...»,
«...убито: офицеров — 15, нижних чинов — 745...»

Солдаты Наполеона реквизируют скот в одной из деревень на пути к Москве (рисунок неизвестного французского художника).

Вот память о тех людях, что 125 лет назад, вечером 26 августа 1812 года, готовясь к сражению, надевали чистые рубахи. Когда квартирщики передавали солдатам чарку водки (тогда была армейская традиция), в ответ слышалось:

— Спасибо за честь. Не к тому изготовился. Не такой завтра день.

В 6 часов утра ударили 120 французских пушек. Русские биты не отступали немедленно, и прощальная канонада началась битвой.

Ударили же были несколько холмиков, на которых стояли русские орудия.

На холмиках за несколько дней до сражения были поспешно сделаны укрепления. Еще и сейчас можно различить продолговатые, покосные на могилах, заросшие травой насыпи, на которых устанавливались пушки.

Укреплений холмик возле Бородина называли редутом Раевского, по имени одного из генералов, участвовавшего в сражении. В редуте тайно жила, за ним деревня Семеновское, овраг и другой холм, на котором тоже были укрепления, знаменитые семеновские флеши.

Семеновские флеши (или флеши Багратиона) были на левом фланге (стороне) русской армии. По этому месту Наполеон бил с особой силой. Отсюда было недалеко до старой смоленской дороги, ведущей к Москве. Наполеон рассчитывал провать левый фланг русских, сместить их центр и правое крыло и открыть себе прямую дорогу к древней столице России.

Кутузов предвидел этот маневр и велел устроить за левым флангом засаду. Однако распространение не было выполнено: штаб армии, которым руководил ганноверский барон Беннигсен, работала с поразительной нечеткостью.

Об этом красноречиво свидетельствует такой факт: на редутах взрывались пушки... орудия выбывали из строя. Нужно было новое, чтобы ответить на успешнейшие сосредоточенный огонь французов. Орудий не было, хотя в резерве у Пярова было 300 пушек. Об этих пушках... забыли. До самого конца боя они не были пущены в дело.

Тем не менее русская армия действовала блестяще. Французы беспрерывно осыпали французов картечью. На холмах, ни пушки не имели передышки.

— Марю у вас! — бросил один из генералов, наблюдавший работу артиллеристов.

— Гремел около неприятеля! — заорал от восторга солдат.

Лев Толстой, по воспоминаниям очевидцев, дал в «Бойне и мире» изумительную картину бородинского боя. Солдаты будто и не замечали легкого из батарее сыпавшим и пулям: «...Со всех сторон слышался веселый говор и шутки.

— Чинчека! — кричал солдат на приближавшуюся, летевшую со свистом гранату.

— Не сюда! К источнику! — с хохотом прибавлял другой, заметив, что граната перелетела и попала в ряды прикрытия.

— Что, знакомая? — смеялся другой солдат на присвиставшего мужика под промешившим ядром...»

К 10 часам утра русские, задерживавшие семеновские флеши, отразили третью атаку французов. Лучшие маршалы Наполеона: Даву, Ней и Морарт — стремительно бросались в наступление, добивались до окопов, но русские неизменно выбивали их штыковыми ударами.

В 11 утра французы атакуют в четвертый раз. Русские отвечают контратакой. Французский генерал Колекур с отчаянием восклицает:

— Этих русских скорее можно в землю втоптать, нежели в плен взять!

Наполеон бросает в атаку своих «гелл де фег», «железные люди». Киришир в меленьких шапках, с тесными панталонами в руках летят на нашу пехоту. Русские встречают кавалерийскую атаку без выстрела. Они стоят, окаянные, как бы приросшие к земле, азия рукам под курок. Нескоро сдвигаются эта страшная, молчаливая сквита. «Железные люди» Наполеона не выдерживают и поворачивают назад.

Только после этой ожесточенной атаки французы овладели флешами. Русские пушки лежали на орудия и не отдавали их без себя. Лопнувшие одной руки, канонер отмахивались другой.

Еще марше были схвачены на редуте Раевского. Здесь несколько раз переходили в рукопашный бой. Над ними гудела, теснящая русских морда и штыков гремела «Ура!» и отчаянное «Ребята, за нами!». При одной из контратак русских взяли в плен французского генерала.

Все поле между редутами Раевского и флешами Багратиона было заставлено туманом, насыщенным пороховым дымом. В тяжелой дымке непроницаемо ателся жар. Почти каждое из них достало цемь. «Кдра, картечь и гранаты, завиваясь, издала рассматривательный визг и, лопнула, вспыхивая синеваем огнем, то проливая, нависнув свистом стрел, то шипела, несся по головам и срывая их излупом полета савето то с хаотичным, проносил смерть над самыми головами и изменял своеобразный полет свой, с высоты на высоту перелетал...» (Ф. Галича «Очерки Бородинского сражения»).

Мы видели некоторые из этих ядер в бородинском музее. Грубо сделанные ржавые бомбы были напильником горкой в углуб, под картиной, изображающей отступление наполеоновской армии из России.

Ядра привносят в музей дорожные рабочие, продававшие шоссе, трактористы, переплывающие поля, приносит пленники из лагеря отряда Наркомата оборонной промышленности, организовавшие «кружок по изучению Боро-

дина прикомандирован к штабу русских). Кауверин описал сражение в книге «Поход в Россию 1812 г.» (см. Кауверин «1812 год». Издание Военного Академии обороны М. 1937).

Кауверин дал блестящий разбор сражения, слабостей диспозиции, тактических ошибок русских штаба. С нескрываемым уважением пишет он о русских солдатах, о «славаном и мужественном сопротивлении», оказанном ими.

Но Кауверин далек от понимания истинной природы этого сопротивления. По его мнению, все дело в глубине и тесноте построения русских войск. Ряды стояли плотно, один за другим, стойки были неуклюжи, и потому, мол, русские не сдвигались с места.

Войска, действительно, стояли тесно. Французские ядра простреливали все 4 линии русских корпусов вплоть до резервов. Все это так. И здесь причина того, что русская армия потеряла почти половину состава (50 тысяч человек), в то время как у Наполеона полегало только четверть состава (28 тысяч человек). А причина стойкости русского войска — другая.

Могучее сопротивление вырастало из любви крестьянской ненависти к нагадому завоевателю. Стойкость русских солдат, возмущавшая Карла Маркса, была проявлением глубокого народного чувства, оскорбленного чуждым вторжением. И хотя эти были крепостные, немало терпевшие от своих господ, они все же любили землю отцов и не хотели, чтобы к гнету помещика добавлялся гнет оккупантов.

А в армии Наполеона не было патриотов. Ибо это была уже не армия революции, а

Русский человек ВАНДА МОРОЗЪ на ЗАЛЧЕЙ ОХОТЪ.

Один из любов, изданных в 1812 году. Любов хранится в Государственном военно-историческом музее «Бородино».

III

К 6 часам вечера канонада начала затихать. Русские войска отошли на километр. Но французы не решились расположиться на завоеванном качестве истерзанной и обезображенной земли, измешенной трупами людей и лошадей, опрокинутыми фурами, разбитыми барабанами, касками и сумками... Ночью в лагере французского несколько раз поднимали тревогу: боялись нападков казаков.

Сражение, с военной точки зрения, было, в сущности, безрезультатным.

Знаменитый военный теоретик Карл Клауверин изложил бородинскую битву (он

армия захвата и грабежа, армия будущих маршалов).

Лев Толстой гениально схватил суть бородинской битвы, когда сказал, что здесь впервые на наполеоновскую Францию была нанесена роковая скальпированная духом противника.

В наши дни карикатуры «каландеры» в Наполеона из лагеря фашизма снова готовят нападение на русский народ, на народ Советского союза. Господам фашистам не мешает изредка вспомнить про Бородино. Примечательно, что исторические экскурсы сопровождают нацистские пропагандистские литературы, например речи народного комиссара обороны СССР Климента Ефремовича Ворошилова на прошломодном перемодном параде. В этой речи было сказано: «Другую попытку нападения мы непременно и обязательно ответим ударом, и такой силой, что враг или когда нибудь забудет его любой агрессора».

ИНКВИЗИТОРЫ

Проф. С. ЛОЗИНСКИЙ

прошлого и
Настоящего

Сожжение еретиков (со старинной гравюры).

Инквизиторы пытали «еретиков» водой (со старинной гравюры).

В 711-м году нашей эры арабы нанесли страшное поражение испанцам на берегу реки Гвадалете, почти у самого впадения ее в Кадикскую бухту. С этого момента и начинается быстрое завоевание арабами Иберийского полуострова, продолжавшееся менее трех лет. Необыкновенный успех арабов объясняется массовым переходом на их сторону испанского крестьянства, ненавидящего своих угнетателей — светскую и духовную феодальную знать.

В течение нескольких столетий (VIII—XII) арабская Испания являлась как бы очагом пропаганды веротерпимости и свободной мысли. Один из ее лозунгов гласил: «Знание есть наилучшее украшение человека».

После того как крестовые походы в Малую Азию помогли завязать торговые связи между Западом и Востоком, посредничество семитов-арабов и евреев — стало для европейцев обязательным. Еврейские сами же являлись использовать выгоды посредничества, и по Европе покатилась волна антисемитизма, вынуждавшая арабов ограничить торговые сделки.

23 независимых государства — taifa — на территории арабской Испании не имели сил сопротивляться Испании католической. Население арабской Испании, насчитывавшее немало евреев, пользовавшихся там всеми гражданскими правами, было отогнано к югу.

Для того чтобы закрепить свои успехи, дворянство искусственно возбуждало в народе религиозный фанатизм и воинственные настроения. Открытое провозглашение феодальных порядков отталкивало бы от победителей крестьянскую массу, знавшую в дни господства арабов лишь сравнительно легкий оборот — *ladai* — и не желавшую подставлять свою шею под тяжелое «христианское» ярмо. Поэтому дворянству приходилось пускаться в ход демagogических приемов: крестьянам предоставлялись известные воольности и давалось обещание не ухудшать их положения.

Король в эту эпоху весьма часто выступал в роли защитника горожан. На пограничных линиях расширявшейся христианской территории появлялись новые города-крепости, в которых жили охранявшие их своеобразные рыцарь-стрельцы, бывшие в мирное время не ремесленниками, но мелкими землевладельцами. Борьба с политическими притязаниями светских и церковных грандов, король сблизился с этими чинами городов, давая им разные воольности —

Эта фото найдено республиканскими бойцами в одном из монастырей, ранее занятом инквизицией. Там князь церкви несл «млад» и благословенные рабочие и крестьяне Испании, защищаям свое законное правительство(на экспонатах московского Музея революции).

фую — и игра на противоположности интересов горожан и крупных землевладельцев.

Привлечение в гражданском и политическом отношении, но беспомощные и крайне экономически, горожане-воины неслись своих сильных в экономической области конкурентов и требовали от правительства суровых мер по отношению к ним. Это недовольство полурасселенной городской массы арабско-еврейским населением стало основой испанского церковного раскола.

Под руководством церкви началось по всей Испании потопное движение под лозунгом «Смерть или принятие христианства». В одной лишь Севилье 6 июня 1931 года погибли в пламени свыше 6 тысяч евреев и арабов; общее количество жертв в Испании в черные годы погромов определяется в 50—60 тысяч. Сюда не входят многочисленные евреи и арабы, привлекшие ради сохранения жизни католическую пургу. Евреи, обращенные в христианство, получили название маранов, а окрестившихся арабов стали называть морисками и те и другие известны также под именем новохристиан.

Попытка неудачных испанских авошников и ресселенских конкурентов путем обращения их в католическую веру не могла разрешить социального противоречия. Мало того, эта попытка лишь обострила конфликт, так как для «неверных» испанцы успешная конкуренция с полноправными новохристианами оказалась более трудной чем с полуобращенными, «презренными» семитами.

Церковь все настойчивее выдвигала иной, далеко не испанский способ борьбы с врагами, способ, почерпнутый из евангелия от Иоанна: «Кто не пребудет во мне, извержется во мне как ветвь и засохнет, а такие ветви собирают и сжигают в огне и не знают». Этот способ — сожжение на костре.

Но арабы и евреи не могли быть «засохшими ветвями», так как никогда и не представляли к древу «истинной церкви». С ними мало было лишь одна расправа: изгнание из Испании, чтобы «законными» изгнанными своими изгнанными из христианского населения, превращая истинных христиан в еретиков, подвешивая испорченность через сожжение на костре.

В 1478 году папа Сикст IV опубликовал буллу, в которой говорил о существовании в Испании ложных христиан и о просьбе королей Фердинанда и Изабеллы положить конец этому злу. «Во внимание к желанию королевской чести» папа разрешил королю назначить трех представителей белого и черного духовенства, для того чтобы они с корнем вырвали из Испании еретиков, их пособников и защитников. Булла эта являлась исходом пунктов догматических переговоров между папой и королем Фердинандом о том, какова будет доля добычи каждой стороны и чем будет вознаграждена та сторона, которая будет контролировать королевскую власть над деятельностью инквизиции. В конце 1480 года между Римом и Мадридом состоялось соглашение: генеральным инквизитором с неограниченной властью был назначен духовник короля Фердинанда монах Гомес Торкемада, являвшаяся доля поступлений от конфискации имущества еретиков давалась инквизиции.

Первый торжественный акт сожжения — аутодафе — еретиков святой испанской инквизиции произошел 6

февраля 1481 года в Севилье. Было сожжено 6 индейских еретиков. Затем деятельность генерального инквизитора Торкемады приняла огромные размеры. За семнадцать лет (1481—1498) инквизицией было сожжено свыше 11 272 человека.

Если заподозренный в ереси под пыткой признавался в своей вине, он подлежал либо сожжению, либо на костре либо вынес особую снисходительности, — предварительному задушению, а потом уже сожжению. Если же обвиняемый отрицал свою вину, он провозглашался упорствующим еретиком, и смерть в огне была для него неминуема.

22 сентября 1609 года вышел декрет об изгнании из Испании морисков (евреев арабов). Податное морискам в Валенсии состояло было поделено со страшной жестокостью. Около трех четвертей миллиона человек вынуждено было покинуть страну, которую их предки превратили в самое цветущее государство Европы. Французский историк XVII века писал: «На карте Испании в тысяче мест написано: «еврейство» (не насласено); в тысяче мест дикая природа заменила паши; заметные надрывы пустырей и сражаются с рекетами комиссаров изгнания, — вы увидите, что мориски насласили эти пустыни. Покинутая земля сласалась достоянием воров».

В 1789 году король Карл IV издал закон, которым французские революционные идеи обьявлялись ересью и подлежали отныне изгнанию инквизиции. Страдания инквизиционных трибуналов застали немцами «преступников», читавших сочинения Вольтера, Руссо, Дидро и Лафонтена.

В годы инвентария Наполеона инквизиция была отменена как «противоречащая суверенитету светской власти учреждения. Национально-освободительное движение, возникшее на почве общей революционной ситуации того времени, подтверждало необходимость этой отмены.

Однако в 1814 году инквизиция была восстановлена. Страна завалила за работу инквизиционные трибуналы, на этот раз под названием религиозных судов.

Наиболее громким процессом в дни реставрации испанских Бурбонов был процесс Кайетана Риньола. Риньола был зарегистрирован инквизиционным за то, что он где-то заявил, будто сущность каждой религии заключалась в изречении «Не делай другому того, чего не желаешь себе».

Сожжение Риньола вызвало негодование в либеральных кругах Европы, и даже папа

Пий VIII должен был откнуться на «чрезмерные страдания» жертв религиозных трибуналов 15 июля 1834 года инквизиция была уничтожена. Вместе с ней были изгнаны из Испании несуты.

Поражение феодальных реакционеров и на этот раз было временным. Изгнание разрешено было вскоре вернуться. «Ремесло» не была возможности открыто восстановит статусу всем испанской инквизиции, исполдотвляла свои позиции для дальнейшей борьбы с ресселенскими и католическими элементами испанского народа.

Конституция 1876 года, предоставившая до 1931 года, ставила церковь в привилегированное положение, утверждая «каноническая и апостольная религия признается государственной религией, и нация берет на себя обязанность поддерживать католический культ и его священство». На самом деле церковь в государстве сегодасе ассигновывало 90 миллионов песет. Кроме того церковь была крупнейшим землевладельцем страны и сосредоточила в своих руках ряд средств производства. Богатство то сажало церкви для порабощения крестьян и сильнейшей эксплуатации рабочего класса. Лучшей и надежнейшей опорой реакции церковь оставалась вплоть до революции 1931 года.

Буржуазно-помещичий блок, очутившись в 1931 году у власти, пытался задушить революцию. Реакция снова подняла голову, а с ней из подполья вышла церковная черная рота. Она дружно стала на сторону фашизма.

Князь церкви присоединился к генералам, поднявшим год навал, по указке Гитлера и Муссолини, метясь против правительства народного фронта.

За спиной кровавого генерала Франко энергично орудовал в его пользу эксплуататорская верхушка церкви, снабдившая фашистов издевательскими средствами и перерабатывая монастыри в склады боевых припасов для мятежников. Земельная власть и крупная испанская буржуазия в союзе с крупными помещиками и фашизмом и князьями церкви оживили старые, инквизиционные методы истребления своих противников. Так, в Балахосе в августе 1936 года промариновали и повесили убитое население по образу конца XV века — на этот раз не по религиозным, а по политическим соображениям. Затем был расстрелян весь у колл на рынке и кровью маринованное тело от вытиски. Из 60 тысяч населения 10 тысяч было убито в первые же дни, 1500 человек были расстреляны на арене цирка на пулеметов в присутствии «нашего высшего общества».

В Севилье в первые же дни мятежа были сравнены с землей целые кварталы и широкие потоки авалас госпиталей республиканцев.

Толдо, бывший когда-то столицей Испании, — теперь город мертвых.

Подвиги новых инквизиторов в Малаге (февраль 1937 года) своим извержением превозносили ужасы старой святой инквизиции. В этом городе фашисты бились об заклад, что лучше стреляет, и «реформисты» получали в награду пен на дочерей расстрелянных. За несколько дней было арестовано около 8 тысяч человек, в день выносили по 300 приговоров. Вот перед судом вярчка Хименес, несящая имя знаменитого инквизитора XVI века. Она страдала азартные балы, когда в лазарете лежали антифашистские бойцы. Постановление суда гласит: «Расстрелять». Группа молодых людей, они могут вырасти в «марксистов» — «Расстрелять».

В Торкесе фашисты отрезали пальцы четверых

Перед вверстами фашистов бледнеют дела старой инквизиции. Испанский Католик Сото в серии вранов «Этиоды войны» отобрали кровавый путь этих современных вандалов. Помещаем траншу на албона Сото, принадлежащую редакции «Смелый на Валенсии».

тиатему мальчику за то, что он носил пионерский галстук.

В Бургое вспарывали животы беременным. «Мы предупреждаем таким образом появление на свет новых революционеров», — с циничным смехом об этом своей действия новые инквизиторы. В городе Марон фашисты изнасиловали огромное количество женщин. Отсутная, они написали на стенах: «Мы уйдем, но ваши души родят фашистов».

Орган французского комсомола «Авангард» приводит письменное показание пленного мятежника, солдата 5-го фашистского полка:

«Нижеподписавшийся подтверждает, что капитан и шокольник платили 10 песет за каждую руку революционера».

Он подтверждает также, что зашивали ракам революционерам толстыми нитками и закапывали революционеров живыми.

Подписано: Хосе Антонио Хименес Пласа, 5-й полк, 1-я рота.

Перед «подвигами» современных вандалов блещут дела старой инквизиции.

Убитый фашистами французский журналист Луи Деланпре назвал свои мадридские записки «бухгалтерской записью ужасов». Вот несколько отрывков из этих записей:

«Без даты, 17 часов 30 минут...

Еще слыша крупного кланба отбивает угол здания телефонной станции, перебегаи разбивает окна и смертельно ранит двух прохожих. Бегуи в вестибюль моей гостиницы, расположенной как раз напротив, там их укладывают на кресло. Кровь течет по мрамору пола. Проходящие ступают по лужам крови. Половину их оставляют кровавый след то на черном, то на белых каблуках, словно некий злощастный знак на паззлной доске.

19 ноября.

...В ста метрах от телефонной станции, на улице Фуэнкарраль, разорвало трех женщин и шестерых детей на куски. У ползала того же дома оторвало голову дружиннику милиции. Кровь брызнула до самой середины мостовой...

23 ноября 1936 года.

...На углу Алкала и Гран Виа чья-то рука хватала меня за ногу. Я вырвалась, закричала, спичку и слезы падали над существом, которое уцепилось за меня как утопающий. Это молодая женщина, на лице которой уже печать смерти. Я не знаю, куда она ранена, но ее живот красный от крови. Она шепчет:

— Видите! Видите, что они делают!

И рука ее делает неясный жест. Загибаю себе спичку.

— Видите! Видите...

Я наклонился еще раз и вижу на осколке стекла раздавленного ребенка.

Белая, как мрамор, рука подымается к небу и падает.

Загибаю себе спичку. Мой товарищ Флаш, корреспондент «Юринала», догнанный меня, нагибается как и я к раненой.

— Она умерла, — говорит он.

...Как забыть этот образ мертвого ребенка на груди мертвой матери в луже черной крови?

Долорес Ибаррури говорит:

«Ах, о котором писал Данте, — лишь бледное отражение действительности в тех мистических, через которые проходит эти современные выкидыши. Убитые дети и старики, изнасилованные и изрубленные трупы женщин, разрушенные памятники искусства...»

Таковы чудовищные деяния новых инквизиторов — врагов человечества — фашистов. Фашизм неизбежно будет сметен с лица земли, как была сметена средневековая инквизиция. Пороку итону — блестящие успехи антифашистского движения и огромный рост популярности среди трудящихся всего мира Союза советских социалистических республик — стран справедливости и счастья, страны социализма.

ЩЕЛИ ДЛЯ ВРАГА

Органы Народного комиссариата внутренних дел, руководимые верным сыном партии Ленина—Сталина Н. И. Ежовым, за последнее время разоблачили и ликвидировали несколько гнезд шпионско-диверсионной работы иностранных разведок.

Враги народа, агенты фашистских разведок, были обнаружены и в ряде комсомольских организаций.

Проводя вражескую «теорию», будто враг в комсомоле не может быть, используя потерю бдительности и политическое ретроградство, эти подлые изменники родины проводили свою контрреволюционную диверсию среди молодежи. Они стремились вселить в сознание молодежи неверие и вражду к коммунизму. Они пытались подорвать в глазах молодежи авторитет нашей большевистской партии.

Они не только пытались, но и всеми мерами содействовали развалу политической работы в комсомоле, срыву марксистско-ленинского образования членов ВЛКСМ.

Одним из главных методов работы врага является бытовое разложение молодежи. Этим методом широко пользуются развалителю фашистских разведок, которые еще не все понимают. Молодежь должна знать эти условия шпионов, чтобы уметь вовремя их разоблачать и сообщать о них в органы НКВД.

Выступая на собрании московского актива комсомола, секретарь ЦК ВЛКСМ тов. А. Ко-

саров указывал, что у нас распространено неправильное представление о том, будто бы — отличное дело каждого отдельного работника. Многие ошибочно думают, что работа — само собой, а быт, личная жизнь — сама по себе. Между тем факты доказывают, что бытовое разложение, в конечном счете, неизбежно приводит к политическому разложению. И там, где процветают пьянство, баблетье, разврат, там всегда надо искать руку врага и наверняка ее можно отыскать.

Некий учитель танцев И. был известен в городе Куйбышеве как «знаменитый московский танцовщик».

Выдавая себя за комсомольца и успешно подвываясь на танцевальных площадках города Куйбышева, И. окружил себя друзьями, известными среди хулиганствующей молодежи под кличками «Арон», «Дитя Торгина», «Ленка» и др.

«Арон» горделиво сообщал всем, что выслан из Ленинграда. Жизнь его была заполнена непрерывными ресторанными кутежами, к которым он привлекал своих, падавших на «лепкие» кувалдышеские профиса. «Дитя Торгина» сексуализировало раньше торгисовских бонами, потом промтоварами. «Ленка» утверждала, что работает в ремонтных мастерских

Привольского военного округа, что было важно, хотя к работ военным учреждениям он действительно проходил. В начале войны «Бейкин» сорня направило и знало деньгами.

Из других заведений городской танцевальной площадки выделялся парикмахер, выдававший себе за члена красномолоча, и казавшийся опереткой театра, именовавший себя членом «Юра горюха комсомола». Руководил площадкой сын выславского из Ленинграда религиозного деятеля С.

Руководитель площадки кооперативным путем предлагал отдамиле, прибавляя за дополнительные 40 рублей посягать их в течение нескольких домашних уроков во все тайны стал, в том числе и самого измывающего, «обшарило».

Итак, повздорившие наблюдатели слышат музыку, идут танцующие пары. А между тем, за ширмой веселья, враг ведет свою гнусную работу.

Несколько лет назад на танцевальных площадках появились «харбинские» танцоры. Они стремились заставить танцующих измываться рабочим, работающим в оборонной промышленности, на транспорте, в авиации, особенно с теми из них, которые были одарены каюйной-буз «устранившей»: неуверенный аппетит и зину, склонность к стаятельствам, разудалости.

Она у них слабость заинтересованного его лица, «харбинские» пускает в ход все средства.

Молодого парня он познакомит с красивой женщиной, которая у него «большой товарищ».

Кроме того «харбинские» сорят деньгами. Ему ничего не стоит оплатить олово ресторанный счет, взамен чего он просит танцую: расписку с точным обозначением домашнего адреса и с указанием телефона.

Шпюнчик пытается в тюрьме, проинклет компанию молодого человека, по ресторанам, спивает, одаживает деньги. При этом он стремится оложить как можно большую сумму, рассчитывая на то, что вернутся ее доляние не в состоянии. Вот случаи, произошедшие в Москве, в Центральном парке культуры и отдыха.

Иностраный разведчик завел знакомство с двадцатилетним комсомольцем, сыном научного работника гражданина Д. Разведчик пригласил комсомольца в Большой театр, потом в оперетку. После первого свидания он стал расспрашивать, как гражданин Д. живет, какова его семья, кто где работает, не нуждается ли в чем. Рассказывая о себе, шпюнчик, разумеется, ала, не без оснований рассчитывать на то, что Д. окажется простачком. Д. познакомил шпюника с рядом своих товарищей, среди которых были работники предприятий, представляющих для иностранных разведывательных органов определенный интерес. Визиты пошел заготовкой не задавая никаких вопросов, не давая никаких предложений о шпюнической и одавательной деятельности. Но так было лишь вначале... А потом, подлаживая, соблазняя, угрожая, нтрян на всякие слабости, используя его неопытность, нечестность и неуверенность этих, с позволения сказать, «гражданин», разведчик свелся с некоторыми из них по линии прямого шпюничества.

Нередко разведчики пробуют свою шкуру на антисоветском анекдоте. В том же виде культуру и отдыха подлаживал некий «весельчак», охотно вступающий в беседу с незнакомыми людьми. Беседы начинались с обсуждения самых невинных прибавок и изгнаний. Потом «весельчак» возвращал анекдот каверного смысла. Рассказывая, он платно следил за реакцией собеседника. Если человек воспринимал его рассказы так, как ему требовалось, он переходил к более рискованным темам. Чаще всего такие разговоры продолжались за столиком в ресторане, за бутылкой вина.

Случайные знакомства приводили иногда к тому, что враг проникал в дом к неосмотрительным молодым людям, становился частым посетителем, необходимым участником домашних вечеров, изнаний, празднований. Гостеприимный

хозяин зачастую не решался даже спросить малоизвестного ему парня, пришедшего вместе с товарищем, по чему на школе, где он работает и как его зовут.

На квартире комсомольца Ф. собралась повздорившая обширная компания. В середине ночи появился один из приятелей хозяина, К., с ватной слезки подвыпивших типов и патфендером рассек одну из комнат. Вскоре появилась другая. Как-то малоизвестные люди снова приходили с патфендерами и пластинками. Утром следующего дня в квартире К. был обнаружен облик. В комнате, где находилась пластинка была обнаружена пластинка «Боге, царя храни». Оказалось, что эта пластинка была умышленно оставлена здесь. Подвыпившие же люди следующего «днем» удалялись друг от друга, а некоторые, заставившие в компанию друзей К., должны были как бы случайно обнаружить пластинку в альбоме и «выбросить», заявить хозяину, что он сообразит об этом в комсомольской организации. Если этот маневр удастся, он начнет шантажировать К., а потом и вытиснуть у него шпюнические сведения.

Шпюничьи «задания» вообще испытывают при разведчике. С помощью заглаживания шпюну удается многое, если он имеет дело с человеком нерешительным и слабохарактерным. В одной изданных местности, где жило много военных, а поблизости стояли военные части, некий разведчик действовал под видом малограмотного крестьянина, доставлявшего дачникам молоко. Одиалом, сославшись на то, что по неведению он путает адреса дач, куда носит молоко, он попросил одного изявлять написать ему на бумажке название военных частей. Доверчивый простачок выполнил его просьбу. Сюда несколько дней «встретившись» пришел к нему снова и напрямик предложил давать шпюнические сведения. Простак возмутился, но шпюн бесцеремонно заявил, что уже раз говорил об этом случае, и в доказательство показал бумажку.

У дачника не хватало гражданского мужества разубрывать затланную узеу, и он был завербован в разведчики.

Шпюны используют малейшую неосмотрительность. На одном оборонном заводе обнаружилась группа молодых людей, комсомольцев, подпадавшая одной осодной державке.

Свои учебные беседы она проводила следующим образом. Она задавала на иностранном языке вопросы, а ученики должны были давать ответы. Она обискала ученикам, что, руководствуясь их интересами, они будут пользоваться техническим лексиконом, принятым на производстве, и задавать вопросы, близкие их специальности. Так незаметно ей удалось выудить у доверчивых ребят ценные сведения.

Но «учительница» пошла дальше. Одиалом она предложила им написать письменную работу на тему о новых конструкциях. И она тот раз калоуло: простачки старательно описали новые типы конструкций — алакомый курс «Угнетенный», «Угнетенный», «Угнетенный» сдала их работы в разведывательные органы.

Некий преподаватель иностранных языков сумел вовлечь в шпюничью работу молодого специалиста, занимавшегося научным трудом.

Ученик «для практики» перевел свой труд на иностранный язык и показал учителю. Тот вскружил ему голову показавшим и похвалой, устроил статью в иностранном журнале, для чего потребовало написать несколько строк в редакцию журнала. Специалист доверчиво согласился. Вскоре обнаружилось, что журнал этот фашистский. Учитель предупредил об этом специалиста и сказал, что компрометирует его заявление, адресованное редакции журнала, и вернуть ему статью показавшим и похвалой его слухи. Раскрыта — некоторые сведения. Специалист не напел в себе сию воспринимать этому предложению и вскоре погоря в треске шпюничая.

Среди молодежи распространен взгляд, что враги врагу устремлены только на производство, заводы, фабрики, устремления, а быт, частная жизнь, дача, театр, клуб, рестораны представляют как бы «нейтральную зону», свободную от всяких попользований. Это —

глубоко ошибочное мнение. Шпюны действительно ала, где складываются благоприятные условия. Они пользуются всем, что может упростить их задачу, упростить жизнь. Они разведчик долгие время работал сапожником. Делался доказав в его «слабокой мастеровой», люди заводились, а то и просто заставляли работать. Размещая чужие труды, умудряясь изощрять изощрению изощрению, читанные. С самым невинным видом вел он контрреволюционные разговоры, которые, как амурская бумага, «прорывали» человека, помогая разведчику разоблачить в плакате своем облик собеседника.

Шпюнчик часто целится за обманки случайных бесед, сопоставляя и обобщая слышанное. Поэтому бдительный человек легко может стать его пособником.

На Красной площади к комсомольцу К. подошел какой-то иностранец и стал расспрашивать его о Кремле, о том, кто живет там, какие там учреждения и т. д. К. в простоте душии рассказывал ему все, что ала. Если один пример верной бдительности, которая идет на пользу врагу.

Многие молодые люди и на работе забывают о необходимости постоянно быть начеку. Между тем под видом аккурсионтов в цехе может появиться разведчик. Так было в одном из московских заводов, когда, получив впуск только в лабораторию, группа иностранных спецнастов осмотрила все цехи и даже успела кое-что заснять. Чуть не обринула на них вышестоящие. А потом выяснилось, что это были фашисты.

На завод часто поставляет «новички» и, помы 5—6 дней, якобы неудовлетворенные работой, покидают цех. Кто салет за ними? Ведь среди них могут быть танкеры, которые, пришедшие на завод с одной целью: сфотографировать кое-что и убраться.

Но, повторю мне, если производственная обстановка все-таки напоминает о бдительности, то места отдыха и развлечения кажутся менее застрахованным от проникновений разведки.

Потому, например, на танцевальных площадках, собирающие самый разносторонний ала, как правило, не задаивают никто из комсомольских работников, не принимают участия в танцах, ала не только на производственные, но и в быту.

А ведь все это цела, через которые проникает к нам враг: Молодой неопытный человек может изволью пропустить цель врагу, не будучи даже связан с ним. Часто трия, например, паспорт, молодой рабочий думает только об уплате полагающегося штрафа — 100 рублей. А если этих денег у него в данный момент нет под рукой, — он жалет поучки. И только тогда, с деньгами, приходит в милицию и заявляет о проплате. А тем временем его паспорт как прикарманное средство воспользоваться враг. Обнаружив провалку алого документа, надо немедленно сообщать об этом органам милиции и другим соответствующим.

Нало помнить совет тов. Вышинского:

«Разведчик шпюнует везд и вперед, в трамваях, в театре, в кино, в пингунке. Заводит знакомство и с трезвыми и с подвыпившими, и с серьезными и с несерьезными людьми, с бесстрашными и с «сострашными» людьми. С серьезными — знакомства серьезные, с несерьезными — несерьезные, но цель одна. Методы очень гибкие, разнообразные, в зависимости от обстановки, от характера и ниди вражеских особенностей людей. При честном отношении к своему долгу гражданина, при наличии собственного достоинства и уважения к самому себе, разведчик может лишь единственными приемами в конце концов разоблачить врага. Нужно только помнить о капиталистическом окружении, не забывать о борьбе врагов против нас, не забывать о политической обстановке».

А. Г.

1 А. Вышинский «Некоторые методы разведывательной работы разведчиков-фашистских разведчиков», Петербург, 1937.

Взвешивание об интересных

ЖИЗНЬ БОЛЬШЕВИКА*

...В 1906 году восемнадцатилетний Куйбисhev, смелый уже за пасками серьезной опитной работы, при- сажает на родину, в Омск. Здесь его избирают членом местного комитета РСДРП, он руководит всей пропаганди- ской работой и ведет сам не- сколько рабочих кружков.

На конспиративной квартире происходит общероссийская партийная конференция. Внезапно врываются казаки, приста- в с револьвером в руке кричат: «Руки вверх!»

Передние поднимают руки и... заслоняют задних, которые в это время умикаются следом ссоры.

Вся конференция арестована, но в общей камере тюрьмы старшие товарищи обучают мо- лодых теории и тактике ре- волюционной борьбы, идут жаркие споры с меньшинством. На воле организация продолжает работу, избирается новый ко- митет, и однажды даже в тю- ремной камере свиданий про- ходит обильное заседание старого и нового комитетов.

Заключенные отказываются от защиты, но представляют их провозгласит блестящие речи, поощряющие в публичное слу- шание. Дело оканчивается «сего толь- ко» смелой, и героическая горстка большевиков получает возможность не прекращать партийной работы.

Безназ из каниской смелости, тов. Куйбисhev снова ведет

* В. Куйбисhev «Эпопея на мой язык», М. «Молодая гвардия», 196 г., стр. 2, р. 50 к.

партийную работу в Петербур- ге, опит попадает в лапы жандармов и возвращается в ссылку. В 1909 году сидит в оди- ночной камере томской тюрь- мы. Непрерывно чаруются пе- риоды героической подпольной работы и периоды заключения в жизни нестигаемого больше- вика.

27 февраля 1917 года тов. Куйбисhev вместе с Бубновым и другими большевиками по- кладает под козлом красновс- кой тюрьмы, чтобы следовать по вступу в туруханскую ссылку.

Только через несколько дней начальная козлов вывезает его к себе, показывая листочку Временного правительства об амнистии политических заключен- ных и просят обяснить, что это такое.

Революция! Куйбисhev пере- сажает бекать к товарищам, чтобы сообщить им радостную весть, но тугой козловой нич- то не хочет знать: пока он не убедится сам, что царь свергнут, он смелых не оско- бодит.

И так как это вопрос дней, а попытка насильственного освобождения может стоить жиз- ни своим товарищам, то — уже фактически свободные — они са- ми осуждают себя на продол- жение тиесной неволи: дают за- вать себя в кандалы и на- правляются дальние по вступу.

Но уже на следующий день у селения Качинского он встречает демонстрация с крас- ными флагами.

Под руководством тов. Куй- бисheva устанавливается совет- ская власть в Самаре, пося- щая имне его имя. Тов. Куй- бисhev становится во главе по- волажского прастрата, разгро- мившего банды чехословаков и учреждений, затем вместе с Фрунзе руководит борьбой про- тив Колчака, участвует в осво- бождении Советской Средней Азии от белогвардейцев и ин- тервентов.

Уже на исходе гражданской войны, в 1920 году, тов. Куй- бисhev номинируется в Зака- спий для форсирования наступле- ния против денкингцев. И тут красивые бойцы проводят сла- добную замечательную опера- цию.

Они направляются со стан- ции Кизил-Арват по голой пу- стыне, в которой нет ни еди- ного травинки и ни капли воды. С собой взяты ограниченные запасы продовольствия. В че- тыре днях перехода красивые заходят в тма врату и внае- му нападают на него. Есля бы первым же ударом бегле не был разгромлен, — красивые бойцы победил бы все без ис- ключения: ни продовольствия, ни воды на обратный путь не было. Но операция закончи- лась полным успехом.

Скупую рассказанную тов. Куй- бисheva историю его героиче- ской жизни, до конца опитной партии Ленина — Сталина, социалистической ролине, чита- ются с захватывающим инте- ресом. Жизнь тов. Куйбисheva была и будет вдохновляющим примером для молодых людей Советской страны.

обезумевших межд. Без за- омамет и про неперво...

Новый президент безудер- но выпускает бумажные де- нги. Инфляция вызывает несо- вое цены. «Земельные альян- с», которым Без обещал всево- возможные блага: рабочие, фер- меры, трудовая интеллигенция, — испытывают восточное богатство.

Вся эта блестяще парисован- ная картина ужасов фашизма более чем правдоподобна, ибо мы видели уже ее на европей- ском континенте.

Но что противопоставляет Синклер Льюису фашизму?

Главным героем романа яв- ляется Дормея Дженесс, даль- ней от крайностей либерала, ре- дактор муниципальной провин- циальной газеты. Дженесс видит все противоречия капитализма, все неопиные несообразности аме- риканского общественного строя. Но до тех пор, пока они не затрагивают лично его, до прихода к власти Уиндирпа, он, в сущности, довольно лег- ко мирится с ними. Когда Без Уиндирпа приходит к власти, Дженесс думает сначала от- статься, уйти от общественной жизни. Но «минутные молод- цы» ошенили его, и он не может ему понять, что не потерял никакой нейтральности, а вся окружающая действительность убеждает Дженесса, что отхо- д от борьбы с фашизмом будет подлостью, совершить которую он не сможет сохранить уваже- ние к себе.

Дженесс вступает в подполь- ную антифашистскую органи- зацию, попадает в руки полиции, переживает все ужасы концен- трационного лагеря, порядки которого ему не отчаи- ются от тех, что дарят в ла- герех «третьей империи».

Затем он бежит в Канаду. Казалось бы, Дженесс ушел из-под власти фашизма, уже никто не угрожает лично ему, но он не может оставаться спокойным, когда лучша оставших насильников властвует в его стране. Это другой человек, уже не тот мятлестый интеле- лигент, каким он был до при- хода к власти Без Уиндирпа. Дженесс неслучайно возвра- щается в Америку и продолжа- ет борьбу с фашизмом.

Значение романа в том, что он отражает антифашистские настроения широких слоев аме- риканских масс Америки. Но Дормея ан Дженесс — пусть но- вый, полный воли и отпаты — не ставит Льюиса перед такой угрозой для фашизма?

Синклер Льюис не верит в силы масс, не видит, что толь- ко коммунистическая партия, хотя и та же зародочная фрон- та, сумеет обуздать наглых фа- шистских демогогов.

Что ж, действительность вре- падает либеральным интеле- лигентом весьма нагальные уро- ния. Инстинктом, инстинктом, ла их Дормея Дженессу, главо- му герою романа, представля- ющего выходящий интерес для нашего читателя.

«У НАС ЭТО НЕВОЗМОЖНО»

У нас это невозможно», — так назвала свой новый ром- ан знаменитый американский писатель Синклер Льюис. Собы- тия романа вымышлены. Показывая, к чему привела бы по- беда фашизма, этот фантасти- ческий роман рисует те — вопле- реальные — стороны аме- риканской жизни, которые по- падает фашистскую угрозу.

Синклер Льюис рисует победу на президентах фашизма фашистского «шефа» Беаза Уиндирпа.

Без приходит к власти «е- ластого». Поддержку крупного капитала, гигантский агитаци- онный аппарат, безудержный

обман отчаявшихся, измучен- ных противом инстинктов и про- фсоюзом. Попадают только те все революционные органи- зации, но и просто всякая со- вое имела. Синклер Льюис, да- лже самые невинные. Безу он вывозит к справедливости и другим высоким чувствам! Инстинкты лишаются права уча- ствовать в общественной жи- зни.

Яростные преследования евре- ев атакуют, вспомнить уже немыслимый, инстинк- тивный «третьей империи». Но, кроме евреев, в Америке есть еще и негры — «превосходный материал» для направляющих

со всей версией Без ополчат- ся против коммунистов и проф- союзом. Попадают только те все революционные органи- зации, но и просто всякая со- вое имела. Синклер Льюис, да- лже самые невинные. Безу он вывозит к справедливости и другим высоким чувствам! Инстинкты лишаются права уча- ствовать в общественной жи- зни.

Яростные преследования евре- ев атакуют, вспомнить уже немыслимый, инстинк- тивный «третьей империи». Но, кроме евреев, в Америке есть еще и негры — «превосходный материал» для направляющих

Вратарь Акимов

...Высокая фигура вратаря все время в движении...

...Матч окончился. Трибуны рукоплескали, провозглашая уходившую с поля команду победителю. Десятки тысяч зрителей приветствовали одиннадцать мастеров футбола, приходивших мимо трибун. Вслед за капитаном команды шла высокая блондин. Спортивный костюм отличал его от остальных десяти игроков. Вместо красной футболки на нем была темная фуфайка, и в руке он держал кенку.

Стадион опустел. Нисколько не удивляясь, тот стремился к трамваям и автобусам. Но сотни «большаков» еще не уходили: они ждали выхода игроков на раздачи. Еще и еще раз приветствовали они героев матча, усажившихся в ожидавший их автобус.

Высокий худощавый блондин медленно проделывал сквозоз окружающую его толпу. Маавчелся с обилием заглядывавших ему в лицо, держали за рукав пальца, старались похватать ему руку. Когда он подошел к автобусу, на группы «большаков» старших возрастов посылались крики:

— Bravo, Акимов! Молодец, Толя! Здорово играл!

Ситуацию улаживая, высокий блондин — вратарь Анатолий Акимов —сел в автобус...

Одиннадцать игроков составляют футбольную команду. Все они занимают различные посты, и не так легко решить, чье место является более важным. Команду можно сравнить с работающим механизмом. Заст кака-нибудь деталь, и тотчас же нарушится точный, размеренный ритм работы. «Откажет» один из игроков, и это отразится на игре, разобьет тактический замысел, в какой-то степени отдаст от колесной цепи — побед.

Но есть все же существенное различие между десятью игроками, защищающими цвета своей команды, и одиннадцатым — вратарем.

Вратарь — это последняя линия защиты. На него возлагаются все надежды, когда кажется, что все уже потеряно, когда волна неприятельского нападения захлестывает защиту. И если последняя линия защиты также сместена атакующими форвардами, то лет уже немалой надежды и мяч бежит в сетку ворот.

Плохая игра вратаря может свести нанет все успехи нападения. А с другой стороны, крепкая защита ворот прочно закрепляет победу или же, в случае успеха нападения, может обеспечить ничью.

Потому от вратаря, от его мастерства, от его выдержки, в значительной степени зависит исход матча.

Вратарю приходится защищать большое пространство, длиной в 7 метров 32 сантиметра и высотой в 2 метра 44 сантиметра. Задача не легкая, если учесть относительно небольшой размер мяча и ту силу, с которой он летит от удара.

Чистое рефлексы, молниеносная реакция, бошная смелость, вняколенная подорожность всего тела — все это у вратаря должно быть развито в высокой степени. Ничтожная доля секунды дается ему игрой для принятия того или иного решения. И потому одно из важнейших требований, предъявляемых к вратарю, — это крепкие нервы. Первый игрок, легко теряющий контроль над собой, — плохой защита ворот.

Громоздкие хладнокровие в соединении с бошной сместью — так можно формулировать требования, которые современный футбол предъявляет к вратарю.

Футбол позволяет вратарю развернуть в полном объеме свои природные возможности. Привла, многие вратари (в особенности итальянские и венгерские) используют эти возможности для дерзких, минимозффектных приемов, специально рассчитанных на овладение зрителя. Легкий мяч такие вратари «подают» как нечто из рука выходящее. Настоящий вратарь, для которого футбол — предельное искусство, никогда не прибегнет к таким приемам. Именно труднейшие мячи он берет так, что они кажутся легкими. Он знает, что на него возложена защита ворот, и делает свое дело как можно лучше, не заботясь об овладении.

Фото Гехтмана

В Шотландии и Англии, где футбол достиг своего наивысшего развития, игра вратаря никогда не связана с погоней за внешними эффектами. Лучшие вратари, в том числе Дуглас, Хиббе, Холдрорт, Мэнсон, мало привлекают внешних эффектности, но для людей, понимающих футбол, их игра — образец подлинного мастерства.

Сталь талантовидного советского вратаря Анатолия Акимова больше всего приближается к игре лучших английских вратарей. Акимов в воротах — трудно преодолимое препятствие для неприятельских форвардов. Он легко берет труднейшие мячи, он быстр, сообразителен, хладнокровен. Он не боится риска, но в его игре нет элементов дерзкой сенсации. И советские зрители, любящие и почитающие футбол, умеют ценить большое и серьезное мастерство Акимова...

Слава Акимова пришла к нам из Парижа в январский день 1936 года. На стадионе «Парк де пренс» сбоячая толпа славнейших московских клубов — «Спартак» и «Динамо» — играла против известного французского профессионального клуба «Расинг». Ворота москвичей защищал Анатолий Акимов, о котором до этого для ничего не знали в Париже и очень мало знали в Москве. В один день Акимов стал знаменитым, создав себе репутацию вратаря международного класса. Французская пресса не ждала почка молодому игроку, похвалившись в труднейшей обстановке тем мастерством, которое не часто выдали даже на парижских стадионах.

Но если для широкой публики имя Акимова было малоизвестным до этого матча, то в московских спортивных кругах его звали достаточно.

В 1929 году четырнадцатилетний Толя Акимов играет правого инсайла в детской команде «Гекторина». Ему очень хотелось стоять в воротах, но это место было занято, и пришлось удовлетвориться малооплачиваемым же спортивным индивидуальностью местом игрока нападения. Но, играя в нападение, он все же беспрерывно тренировался на вратаря.

Через год увеличился Акимов на тренировке игроку 3-й взрослой команды «Гекторина» предложили «попробовать» его. Акимов поставил вратарем в 3-ю команду. Так пришла острая необходимость. В следующем году Акимов играет и в 3-й, и в 4-й, и в 3-й командах. Все больше и больше развивается его дарование, и в 1934 году он играет уже за 1-ю команду «Дуката», а осенью того же года перешел в «Промосенарион».

Дальше все пошло очень быстро. Акимов защищает ворота командам мастеров в трудных матчах против ЦСКА, «Динамо», «Алкомства». В 1935 году Акимов играет вратарем 2-й команды «Спартак». В конце этого года «Спартак» и «Динамо» получают приглашение приехать в Париж. Акимов едет вместе с командой.

Перед матчем, когда окончательно утверждался состав, руководители команд москвичей Николай Старостин настоял на том, чтобы чиста защита ворот Москвы была отдана Акимову, показавшему блестящее мастерство на тренировках. Акимов оправдал все надежды.

Однако слава опередил Акимова. В Париже играли в январе. В Москве была глуповатая зима. Тем, кто хотел посмотреть увлечение нового мастера, пришлось завистью терпением и ждать до весны.

6 мая 1936 года Москва увидела героя матча «Динамо» и «Алкомства», до сих пор остающийся самым тяжелым воспоминанием молодого вратаря.

...явля мяч, с силой направленный в нижний угол...

«Этот матч на стадионе «Сталинец», когда «Спартак» играл товарищескую встречу с «Динамо», — мой самый тяжелый, самый неудачный день, — рассказывает Акимов. — Меня захватили газеты. Меня считали чуть ли не лучшим вратарем мира... А ведь мне до этого очень далеко. Когда я вышел на поле, то почувствовал, что мне зрители жаут от меня чего-то необычайного, что-то из ряда вон выходящего. Меня охватило волнение, и первые же мячи я взял очень нехотю. Игра не шла, я потерял контроль над игрой. Мне забил пять мячей, из которых 3 — целком на моей совести. В этот день я не оправдал ничьих ожиданий, но, может быть, здесь не только моя вина».

Этот взгляд своей спортивной биографии Акимов, вероятно, будет помнить долго. Неудачный матч на него сильно повлиял, и «рецидивы» давали себя знать еще некоторое время.

Своего пребывания в Советском союзе только одно поражение, и это поражение нанес «Спартак». Чемпион Союза выиграл у сильнейших противников со счетом 6:2! В этой почетной, разухой победе немалую роль сыграл Акимов. Никогда еще его не атаковали такие сильные форварды. Акимову приходилось спасать свои ворота от труднейших мячей, и он блестяще справлялся со своей задачей. В этом матче он показал, как замечательно развито у него «шестое» чувство. Он предугадывал удары за секунду до того, как они были сделаны, и дивидировала их виртуозными бросками. Тут Акимов полностью объяснил зрителям, почему его выступление в Париже, в январе 1936 года, так восхитило французоз.

Успехи Акимова были бы, вероятно, скромнее, если бы он не уделял такого внимания тренировке и риску. Эти два фактора, помноженные на природные данные игрока, и делают из него мастера.

Прекрасно зная свои слабые и сильные стороны, он не упускает случая обогатить арсенал своих разнообразных приемов игры. Наблюдая матч испанских футболистов, Акимов увидел, с каким мастерством вратарь Бласко выкидывает мяч рукой. В ряде случаев этот прием гораздо эффективнее обогатного обогатия мяча. И теперь Акимов старательно тренирует отбивы мяча.

Глубокой осенью, когда кончается футбольный сезон, наступает многодневный перерыв в футбольной жизни вратаря Акимова. Но этот перерыв не нарушает его спортивной формы. Вместе с хоккеистами с начала зимы на хоккей выхаживает и Акимов. Он играет в хоккейной команде «Спартак», правда, не в мастерах, а в 5-й команде, и не вратарь, а правого инсайда. Может быть, в этом какое-то возмещение за тот относительно статичный «образ жизни», который несет вратарь футбольной команды.

Фото Е. Черсера

Акимов на посту. Повиди — десятки будущих вратарей.

«Мне пришлось проделать громадное усилие, чтобы снова вернуть себе хладнокровие и решительность. Это мне удалось еще и потому, что меня окружала настоящая товарищеская атмосфера в команде. Коллектив «Спартак» помог мне выкачаться», — заключил Акимов улыбаясь.

И действительно, если некоторые матчи после этого молодой вратарь проводил недостаточно уверенно, то вскоре он уже был снова самим собой, хладнокровным, спокойным вратарем, может быть, даже немного флегматичным. Не под этот же кавушечки флегматич — большая уверенность в себе, великое чувство времени, расчет и молниеносная реакция на мяч.

Осенью 1936 года команда «Спартак» завоевала почетнейший трофей — зеленое знамя чемпиона Союза по футболу.

Репутация Акимова как вратаря стала еще выше после матча «Спартак» со сборной Баскии. Испанские футболисты, игроки высокого европейского класса, потеряли за время

Акимов относится к тренировке серьезно и требовательно. Тренировка развивается в нем легкость движений и быстроту, совершенствует работу туловища, броски, удары ногой по мячу и т. д.

...Высокая фигура вратаря все время в движении. Его «обстреливают» сразу несколькими мячами. Отбив в броске мяч, с силой пробитый в нижний угол, Акимов сейчас же взлетает под штангу, паряруа направленный туда ногой удар. Он всегда просит своих товарищей на тренировке бить по мячу не переставая, с самого близкого расстояния и как можно сильнее...

Тренировка, проходящая и очень острым темпе, длится часа полтора — два. Но, кроме работы с мячом, вратарь не должен выигрывать из ворот, и здесь скорость имеет решающее значение. Пе пять — шесть раз в тренировочный день работает Акимов над бегом, спурта на коротких рывках метров по пятнадцать — двадцать. Акимов много работает и над техникой выбегов, падений на мяч, бросков.

Постановлением от 22 июля 1937 года Центральный исполнительный комитет СССР наградила орденами добровольные спортивные общества, работников и мастеров физической культуры и спорта. В числе награжденных орденом «Знак почести» был Анатолий Акимов. Правительство отметило успехи талантливого советского спортсмена.

А 29 июля в Антверпене началось спортивное соревнование III международной рабочей олимпиады. Советские футболисты были представлены командой «Спартак», ворота которого защищал Акимов. Выиграв олимпийский футбольный турнир, спартаковцы в Париже завоевали рабочий кубок мира.

В отзывах зарубежной прессы о советских футболистах много внимания уделено Акимову и его мастерству. Газеты подчеркивают, что с таким вратарем может спокойно играть любая команда.

Вратарь-орденосиус еще раз подтвердил свой международный класс.

Пейзаж, снятый при лунном освещении.

НОЧНАЯ СЪЕМКА

По способам съёмки ночную фотографию можно разделить на три вида: первый — дневная съёмка «под ночь», второй — съёмка при лунном освещении и, наконец, — натуральная ночная съёмка при искусственном освещении.

Самый обчный и легкий способ — это с'емка против солнца, с'емка «под ночью». В этом случае снимают с недодержкой, позитив слегка перепечатают и получают силуэтные изображения окружающих предметов с яркими световыми бликами.

Особенно удачной подобная «контрольная» съемка будет на берегу реки, озера или моря. Солнечные блики, играющие на воде, умело скомпонованные с линией берега и окружающей растительностью, могут дать весьма выразительные кадры. Солнечный диск, если он слегка закрыт облачками, можно брать в кадр, не боясь получения ореола даже на самых обычных пластинках.

Одной из разновидностей дневной с'емки «под ночь» является с'емка «по свету», когда солнце — за спиной снимающего.

Выбирают кадр так, чтобы строения или другие намеченные для с'емки объекты рельефно выделялись на фоне синего неба. Здесь применяется густой светофильтр.

В зависимости от густоты фильтра и ортохроматизации пластин: негатив получается достаточно контрастным. Темнота неба может быть еще усилена при последующей печати. Особенно подходят в этом случае зимние пейзажи: крыши, покрытые снегом, отлично контрастируют с темной тучей неба.

При этом виде съемки наилучшие результаты дают панхроматические пластинки или пленки, с применением туслого красного светофильтра².

Семка при лунном освещении технически не представляет ничего трудного, следует только помнить, что активность² лунного света примерно в 25 000 раз ниже дневного, а поэтому экспозиция определяется минутами и даже десятками минут в зависимости

2 ХИМИЧЕСКАЯ СЛАБ СВЕТА, ДЕЙСТВУЮЩАЯ НА ПЛАСТИНКУ.

СТИ ОТ ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТИ НЕГАТИВНОГО МАТЕРИАЛА.

При полномонии на пластинке чувствительностью около 170 Хнд при $F:6,3$ экспозиция длится 10—20 минут.

Большое значение при этом виде съемки имеют окружающие предметы, отражающие от себя свет: белые стены, снег. Наличие таких предметов позволяет сократить время экспозиции. Наилучшей следует считать съемку «по свету». При съемке против лунного неба выйдете светлым и, при достаточной экспозиции, негатив может получиться ничем не отличающимся от снятого днем.

Самую луну в кадр брать не следует, так как при длительной экспозиции в силу своего движения луна выйдет не круглой, а в виде вытянутого эллипса.

Лучше поступить следующим образом: сняв лунный пейзаж, отметить на матовом стекле место, где желательно поместить луну, и на ту же пластинку сять только лунный диск с короткой экспозицией (1—2 минуты).

Снимать лучше длиннофокусным объективом или задней линзой. Тогда лунный диск получится более крупного размера.

Наконец, третий вид ночной съемки — съемка при искусственном освещении (фонарей, окон, иллюминации и т. п.). Этот вид съемки дает подлинные ночные эффекты.

Здесь, однако, встречается ряд технических трудностей.

В случае отсутствия специальных противоореальных пластинок все внимание нужно обратить на борьбу с ореолом от фонаря. Хорошо, если представляется возможность закрыть стороны фонаря, обращенные к аппарату, куском желтой или даже красной пара-

финированной бумаги. Бумага не даст возможности возникнуть ореолу и в то же время просветится настолько, что создастся впечатление светящегося стекла.

Вообще же в ночных сьемках, при наличии больших световых контрастов, следует отдавать предпочтение плоским пленкам как наиболее противоореальным негативному материалу. Высокая же чувствительность даст возможность расширить круг сьемки и взять объектом освещенную улицу в движении.

Улицу в движении снять крайне трудно. Даже на самых освещенных улицах при большой светосиле объектива не удастся получить моментально снимка — $\frac{1}{20}$, $\frac{1}{40}$ секунды.

Ночные съёмки лучше всего производить после дождя, когда на мокром асфальте играют отражения уличных огней, увеличивающие количество света и дающие заманчивые световые эффекты.

Экспозиция при современных высокоскоростных пластинках и паспиках может быть доведена до $\frac{1}{2} - \frac{1}{4}$ сек. Начную улану без людей и движения легко снять, заадафрагмировав объект. Тогда при длительной экспозиции прохождение не запечатлется. При этом следует закрывать объектив каждым раз, когда перед объективом аппарата будет проходить машина с освещенными фарами или трамвай, иначе на негативе получатся сплошные черные полосы от проезжающих отой.

Что касается проявления ночных снимков, то предпочтение следует отдавать мягко работающим, медленным проявителям, типа глицин-пирагалла, чтобы не пропали нежные полутона.

И. ГУЩИН

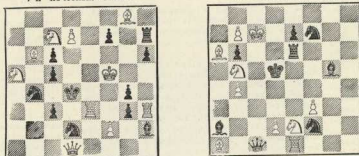
ШАХМАТЫ

Отдел ведет Л. ГУГЕЛЬ

Из задач, присланных на 2-й международный конкурс двухходовок «Смены».

Задача № 53.
В. Ковалевский (Ленинград).
7-й почетный отзыв.

Задача № 54.
Р. Пономарев (Москва).
8-й почетный отзыв.

Мат в два хода.

Мат в два хода.

Задача № 55. А. Орешин (Саранск). 9-й поч. отз. Белые: Крб8, Фг2, Лс3, Сс6, f2, Ка6, с2, п. а2, b7, d2; черные: Крс4, Фa1.

нинград). 10-й поч. отз. Белые: Крf1, Фb2, Лс8, d8, Са6, h8, Кb5, e4, п. а3, а7, b7, с5, d5, f5; черные: Крс4, Фf7, Лf6, Сd7.

Ка5, е1, п. b4, f2. Мат в два
хода.

денск). 11-й поч. отз. Белые: Кра4, Фф4, Ле6, Ch7, Kd3, f6, п. с2, е4; черные: Крс4, Kb5, h4, п. b6, с3, с5, с6, g3. Мат в два хода.

ПАРТИЯ ГРОССМЕЙСТЕРА
П. КЕРЕСА

О ... — трансформационных посл-

Одним из талантливейших представителей молодого поколения

гроссмейстеров является эстонец П. Керес. Неоднократные победы на международных турнирах поставили его имя в список первой десятки мировых шахматистов.

Помещаемая ниже партия выиграна Кересом у сильного мастера Бека на недавно происходившем в Кемери (Латвия) международном турнире. Комментарий к партии дал для «Смены» гроссмейстер П. Керес.

11. Kopecký, J. and J. Samel: *Časopis pro vědu a techniku*, 1966, No. 1, p. 10.

ФЕРЗЕВЫЙ ГАМБИТ

Белые: Кeres. Черные: Бек.
1. K-g1-f3 d7-d5 2. c2-c4
e7-e6 3. Kbl-c3 Kg8-f6 4.
d2-d4 C18-e7 (Возможно, что
проще всего идет к уравнению
4. ... c5 с продолжением 5. c4-
K:d5 6. e4 K:c3 7. b:c d:c 8.
c:b d4 9. Cd2:c3 Kf8-d7 10. d2-
0-0 7. g2-g3 8. Kf8-d7 9.
f7-c6 10. 0-0 Kb8-d8 (После
белые сохраняют преимущество
развития. Может быть, лучше всего
граду 7. ... b6) 8. b2-b3
b7-b6 9. Ccl-b2, a7-a5 (Здесь
потеря темпа полная скандалозна-
Удавательного положение

¹ Ориентировочная экспозиция при красном светофильтре и при панхроматическом материале 1000 X и Д 1, 3, 5, 1/10 секунды на ярком солнце.

